

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПРИГРАНИЧЬЕ

ПАВЕЛ КОРНЕВ

ЛЕД.
ЧИСТИЛЬЩИК

Приграничье

Павел Корнев

Лед. Чистильщик

«Автор»

2013

Корнев П. Н.

Лед. Чистильщик / П. Н. Корнев — «Автор»,
2013 — (Приграничье)

ISBN 978-5-9922-1405-5

Приграничье – вырванный в края вечной стужи кусок нашего мира. Угодить туда может любой, достаточно просто оказаться не в том месте и не в то время, а вот выбраться обратно не под силу ни простым людям, ни сильнейшим колдунам. Но что, если обычный мир и Приграничье свяжет стабильный переход? Как повлияет текущая с той стороны магия на нашу реальность? К каким последствиям приведет подобное воздействие, скольких чудовищ породит? И не придется ли в итоге привлекать к делу чистильщика? А если придется, то справится ли с проблемой Александр Леднев по прозвищу Лед?

ISBN 978-5-9922-1405-5

© Корнев П. Н., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Павел Корнев

Лед. Чистильщик

*Не жди его смерти, она будет долгой,
Бескровная жизнь не знает срока...*
«Агата Кристи»

Пролог

Лето. Солнце. Море.

Жара.

Тент. Стул. Пиво.

Счастье.

Ну – почти.

Такое уж человек вредное существо, что при наличии свободного времени способен обнаружить кучу недостатков даже в самой замечательной на первый взгляд ситуации. И я тому прямое подтверждение.

Казалось бы, живи и радуйся, но нет, будто соринка в глаз попала и никак от нее не избавиться. Вроде ерунда, но...

...но море – Черное, а пиво – светлое.

А так хотелось бы развалиться на белоснежном песочке затерянного в Индийском океане островка, попивая при этом черный, как ночь, стаут...

Тропический остров – ха!

Да лет пять назад мне и на Сочи рассчитывать не приходилось! И теплый угол в кабаке вкупе с соточкой водки за счастье прокатывал.

А сейчас совсем зажрался: Черное море не устраивает, Индийский океан подавай!

Тут некстати припомнились холод сугробов, пронзительный ветер и колючая поземка, и как-то сразу стало не по себе. Я поежился и влил в себя остававшееся в пластиковом стаканчике пиво. Светлое и успевшее заметно нагреться, но уж лучше это безвкусное пойло хлебать, чем в Приграничье задницу морозить.

Тяжело вздохнув, я постарался переключиться на нечто более позитивное и принялся разглядывать накатывавшие на галечный пляж волны.

И все же – хорошо.

Пляж ведомственный, немногочисленный, относительно чистый. Спокойный и даже отчасти скучный, да только какая может быть скука, когда в крови алкоголь играет?

– О чем задумался? – спросил усевшийся напротив невысокий парень с коротким ежиком выгоревших на солнце волос. Мой старинный приятель Алексей Шаров, прошу любить и жаловать.

– Да так. – Я неопределенно пожал плечами, взял один из выставленных на стол стаканчиков и не без удовольствия отпил холодного пива.

– Опять хандришь?

– Не-а, Лех, – фыркнул я, – пиво жду.

– Ну, так ты дождался.

– Так я и пью.

– Лицо попроще сделай, а то люди пугаются.

– На себя посмотри.

– С утра смотрел, нормально все было.

– Ну да, ну да... – усмехнулся я, провожая взглядом рассекавший волны прогулочный катер. Сделал еще один глоток и вздохнул: – Опять светлое...

– Хорошее пиво, кошерное, – возразил Алексей. – И вообще, чем тебя «Балтика» не устраивает? Две недели нормально пил, а тут – нате выкусите, не нравится ему!

– «Балтика»? – задумался я. – Не было здесь «Балтики» никогда. Я «Б7» брал.

– Ну блин! – Парень даже подавился. – «Б7»! Так это «Балтика» «семерка» и есть!

– Кто бы мог подумать! – хмыкнул я. – Эх, сейчас бы на Сейшелы куда-нибудь или там Мальдивы. И не с этой... этим, – отодвинул запотевший стаканчик в сторону, – а с нормальным темным пивом. Со стаутом каким-нибудь ирландским...

– Сань, сам подумай, откуда у папуасов темное пиво? Думаешь, они «Гиннесс» наливают? Это фантастика, сынок!

– И просто Сейшелы уже фантастика, – поморщился я.

С моим допуском секретности заграничный паспорт было не получить при всем желании. Ладно хоть на лето в Сочи отпускали – у центра повышения квалификации, где последние пять лет подвизался инструктором, с конца весны и до самой осени наступал мертвый сезон.

Ну в самом деле какая может быть практическая подготовка к переброске в Приграничье, когда в аудитории кондиционеры на полную мощность включены, а за окном жара под тридцать градусов в тени? В такой ситуации у самого внушаемого слушателя неминуемо когнитивный диссонанс возникнет. Ты ему об исчадиях Стужи, вечном холоде и боевых чарах толкуешь, а он по сторонам оглядывается – тепло, светло, бабочки порхают – и как-то сразу перестает во всю эту чертовщину верить.

То ли дело зимой! Попробуй не поверь, когда третий день в тайге без огня кукуешь...

– Ну вот! – сбил меня с мысли Алексей. – Говорю же: фантастика!

– А с другой стороны, – припомнил я суть спора, – слово «глобализация» тебе о чем-нибудь говорит? В следующий раз пустые банки из-под пива сразу не выкидывай, обрати внимание, за сколько тысяч километров его от места употребления изготовили. А в некоторые, прикинь, еще и капсулы с углекислым газом запихивают, чтоб, значит, пена как у разливного была. «Драфт» называется.

– Извращенцы.

– Не скажи. «Гиннесс» баночный, конечно, не ахти, но тот же «Мерфис» весьма и весьма. А кремовый стаут от «Сант Петерс» так и вовсе крут. Это как с «Хеннесси»: марка известная, а коньяк так себе. Но вот от разливного «Гиннесса» я бы сейчас не отказался...

– Какие проблемы? – удивился Шаров. – Поехали в кабак!

– Ну ты сам подумай, – вздохнул я, – вот выбрались мы в Сочи...

– Мы сейчас между Сочи и Адлером, так-то.

– Не суть. Выбрались мы, значит, на море в кои-то веки и будем по барам висеть? В чем прикол?

Леха поднял стаканчик, глянул на меня через янтарного цвета напиток и резонно заметил:

– Это тебя здешнее пиво не устраивает, разве нет?

– Пиво не устраивает меня, а в кабак ты намылился. Странно, не находишь? И чего не хватает?

Парень сделал длинный глоток, тяжело вздохнул и сознался:

– Женского общества мне не хватает.

– Да ну? – усмехнулся я и демонстративно обвел пляж рукой. – В чем проблема-то? Иди и знакомься!

– Иди и знакомься? Вот так запросто, да? – возмутился парень. – Сань, ты забыл, где мы находимся?

– А чем тебя пляж санатория Министерства обороны как место знакомства не устраивает?

– Издеваешься? – округлил глаза Леха. – Хочешь, чтобы какой-нибудь майор мне сгоряча хозяйство открутил?

– Майоры, они такие... – хохотнул я, и не думая спорить.

Крыть действительно было нечем: юные красавицы здесь находились под неусыпным присмотром мам, симпатичные мамы – под приглядом пап, а в разряд одиноких отдыхающих попадали исключительно дамы предпенсионного возраста.

– Чё ты лыбишься? – возмутился парень. – Блин, с тобой и в кабаке ни с кем толком не познакомишься! Можно и не подходить, так и так отошлют! От тебя даже фанатки «Сумерек» шарахаются! Они-то, дуры, телевизора насмотревшись, о гламурных вампирчиках мечтают, а тут – оба-на! – натуральный упырь и разрыв шаблона! Лысый, да еще и бледный как смерть!

– Знаешь, Леха, вот чья бы корова мычала, – выразительно глянул я на приятеля и потер правое предплечье, на котором лишь благодаря свежему загару бесцветно-белыми линиями выделялись замысловатые символы: выгоревшие, блеклые, непонятные. То ли татуировки, то ли шрамы – так сразу и не разобрать. На самом деле всего понемногу.

– У меня наколки армейские. Здесь с такими, считай, половина, – поморщился парень, который лишь благодаря содействию моих нынешних работодателей из своего пятнадцатилетнего срока отмотал всего три года. – И хватит зубы заговаривать! Едем в кабак?

– Нет, сидим, морем любимся.

– Блин, мы им уже вторую неделю любимся! Оно у меня в печенках уже! – не выдержал Алексей. – А еще три месяца впереди! И что, каждый день на этот пляж таскаться будем?

– А почему бы и нет? Мне здесь нравится.

Море успокаивало. Позволяло забыть о стране вечной стужи, снега и ветра. Плеском волн подбадривало и тихонько нашептывало: «Ты выбрался!.. Ты выбрался!.. Ты выбрался!..»

И сразу отступала хандра. А если к шуму прибоя добавлялся алкоголь...

– Нравится ему! – завелся парень. – А наш пляж тебя чем не устраивает? Почему то же самое пиво мы на фээсбэшном пляже попить не можем? Я по горам вверх-вниз задолбался сюда таскаться уже! Тебе ж не судьба трамвайчика подождать!

– Во-первых, не трамвайчика, а фуникулера.

– Один хрен.

– Во-вторых, пешие прогулки тебе точно не помешают, хоть жирок растрясешь.

– Очень смешно!

– На то и расчет. – Я приложился к стаканчику и умиротворенно огляделся по сторонам. – А в-третьих, контора из меня круглый год кровь пьет, хоть в отпуске от них отдохну.

– Чего?! – Как раз хлебнувший пива Леха аж поперхнулся. – Кто из кого кровь пьет?! Да тебя там все ненавидят просто!

– Серьезно?

– А сам как думаешь? Вот кто тебя просил на обычном марш-броске свободную группу с пейнтбольными маркерами в засаду сажать?

– Что значит – кто просил? Всегда надо быть готовым к неожиданностям! У нас центр повышения квалификации типа, а не курорт. Не фиг расслабляться!

– А перед двухнедельной заброской в тайгу зачем все банки с тушенкой на кошачьи консервы поменял, этикетки переклеив? Кладовщика потом чуть не побили, хорошо хоть на тебя стрелки перевести успел.

– Надо внимательней смотреть, что со склада получаешь. И вообще – какие проблемы? Сожрали и не поморщились! Сплошная экономия вышла.

– Устроят темную, жаловаться не приходи.

– Это из-за червивого мяса бунты случаются, а не из-за замены одного питательного продукта на другой.

Риск огрести люлей, конечно, присутствовал, но менять что-либо в системе обучения я не собирался. А как иначе заставить воспринимать себя всерьез, если преподаешь чистую теорию и фамилия твоя не Макаренко?

Уязвимые места сугробников и ледяных ходоков, правила пользования колдовскими артефактами, отводящие пули амулеты и повадки всяческих тварей – для человека со стороны вся эта чертовщина проходила по разряду бреда сивой кобылы и потому в головах слушателей надолго не задерживалась. В одно ухо влетала, в другое вылетала.

А на мне ведь ответственность! Мне до людей достучаться надо! Махну рукой, не стану под шкуру лезть, и после переброски в Приграничье от группы ножки да рожки останутся, а выжившим придется учиться тому же самому, но в условиях, приближенных к боевым.

– Чего завис? – окликнул меня Леха.

– Да так. – Я допил пиво, отставил пустой стаканчик в сторону и кивнул ему за спину: – Глянь, вон почему наш пляж не люблю.

Алексей обернулся и, заметив шагнувшего к шатру высокого, подтянутого господина в белых брюках и светлой рубашке с коротким рукавом, сразу поскучнел и принялся охлопывать себя по карманам. Выудив тощую пачку мятых банкнот, он лихорадочно пересчитал деньги и попросил:

– Займи рубль.

– Зачем? – удивился я.

– У меня отпуск, – без обиняков заявил Леха. – Я уматываю в кабак, а ты с ним сам разбирайся.

– Держи. – Я кинул на стол две пятисотки и усмехнулся: – Дезертир...

Невозмутимо напевая себе под нос:

– «Самый правильный и модный на курорте отдых водный. Пароходами гудит морской вокзал...», – мой приятель спрятал деньги в карман и начал пробираться на выход. – Звони, если что.

– Вали, – отмахнулся я, начиная жалеть, что не согласился прошвырнуться по кабакам. Досиделся на свою голову! Если уж господин Шептало самолично в Сочи появился, точно, какой-то геморрой приключился. Как ни крути, в случае рабочей необходимости меня и простым телефонным звонком могли из отпуска выдернуть.

Но обеспокоенности я высказывать не стал и безмятежно улыбнулся:

– Владимир Николаевич! Какими судьбами?

Курировавший деятельность нашего учебного заведения Владимир Николаевич Шептало спрятался от палящих лучей солнца под тент, носовым платком вытер пот со лба и вполне ожидаемо заявил:

– Вас разыскиваю, Александр Сергеевич.

Я отметил покрасневшее от свежего загара лицо и немного расслабился. Владимир Николаевич на югах точно не первый день, а значит, и сам тут на отдыхе. К тому же компанию ему составила стройная симпатичная дамочка лет тридцати. Жена или любовница – не суть важно; главное, что в присутствии посторонних речь о серьезных делах точно не зайдет.

И это радовало. Пусть должность господина Шептало и была сформулирована на редкость расплывчато, но именно он, подобно одноименной детали ударно-спускового механизма, удерживал руководство центра во взведенном состоянии.

Куратор, блин...

– Присаживайтесь, Владимир Николаевич, в ногах правды нет, – вздохнул я, даже не пытаясь сделать вид, будто рад его визиту.

– Знакомся, – указал куратор на свою спутницу, – Алена Евгеньевна Зимина, начальник отдела энергоэффективности и перспективных источников энергии нашего НИИ.

– Очень приятно, – улыбнулся я на этот раз без малейшей фальши. Действительно – приятно.

Худошавая, загорелая, с привлекательным и неглупым на вид лицом. Светлые волосы до плеч, легонький сарафан, босоножки, безымянный палец обхватила золотая полоска обручального кольца. А взгляд серых глаз какой-то совершенно несерьезный и более того – слегка насмешливый.

Это еще с какой стати? Обычно люди на человека моей внешности несколько иначе реагируют.

– Вижу, твой товарищ поспешил нас покинуть? – с явственно прозвучавшей в голосе ехидцей поинтересовался Владимир Николаевич, придвигая к столу третий стул.

– У него срочные дела в городе возникли. Внезапно.

– Удачно получилось.

– Да? Вообще-то у меня тоже... дела, – поспешил предупредить я и вдруг понял, что все это время паялся на оттягивавшую легкую ткань сарафана грудь Алены Евгеньевны. Перевел взгляд на ее лицо и немедленно заслужил этим еще одну ироничную улыбку.

– Все твои дела, – Владимир Николаевич развернул свой стул к морю и закинул ногу на ногу, – это пить пиво и предаваться праздному безделью.

– А хоть бы и так. Отпуск для этого и создан. У меня ведь отпуск?

– Не совсем, – качнул головой куратор. – Возникла небольшая проблема, требующая твоего присутствия в Ямгороде...

– Небольшая? И ради этой небольшой проблемы вы самолично прилетели за мной в Сочи?

– Вообще-то у нас тоже отпуск, – вздохнула Алена Евгеньевна. – Был...

– Рад за вас, – буркнул я.

– А за себя?

– За себя не очень. Что там стряслось такого неотложного?

В отличие от запрятанного в тайгу центра повышения квалификации наша головная контора, носившая гордое наименование НИИ УПТ ПС ФСБ РФ, или же Научно-исследовательский институт уникальных природных территорий при Пограничной службе Федеральной службы безопасности, располагалась в Ямгороде. И перенести ее куда-либо из города с миллионным населением не было совершенно никакой возможности, поскольку институт изначально создавался для обеспечения нормальной работы портала в Приграничье. А тот, в свою очередь, был крепко-накрепко завязан на один очень непростой нож, воткнутый в землю в санитарной зоне металлургического комбината. Впрочем, не будем о грустном...

– В том, что стряслось... – поморщился Владимир Николаевич, явно не придя в восторг от такого определения, – тебе придется разобраться на месте.

– Ну уж нет, – твердо заявил я. Менять отпуск у моря на командировку в родной город желания не было ни малейшего. – Не имеете права.

– После отгуляешь.

– И не подумаю.

– Алена Евгеньевна...

Девушка достала из пляжной сумочки пластиковый файл и передвинула его через стол. Я с некоторой долей опаски вытащил из него пачку фотографий, глянул одну, вторую, третью... не удержался от безгливой гримасы и уточнил:

– Где?

– Лесопарк неподалеку от первого корпуса госуниверситета.

– Когда?

– Вчера.

– Мать вашу, вашу ж мать... – тихонько протянул я себе под нос и обреченно спросил: –
Каким рейсом вылетаем?

Глава 1

Самолет приземлился в Ямгороде в четыре сорок. Утра, разумеется. Во сколько вылетали из Адлера, и вспомнить тошно. Вся ночь коту под хвост. И там не поспал, и здесь уже светает.

А ведь, казалось бы, – ну какие проблемы? Сел в самолет, опустил спинку кресла и сопи в две дырочки.

Никаких проблем, но – не вышло. Слишком уж нервишки пошаливали. И пошаливали они вовсе не из-за боязни перелетов – обычно еще до набора высоты отрубаясь, – нет, покоя не давали фотографии.

Слишком уж остро они напомнили о моем не слишком веселом житье-бытье в Приграничье, этом провалившемся в края вечной стужи куске нашего мира. Ни там – где бы это «там» ни находилось, – ни здесь. Между.

Магия, исчадия Стужи, бандиты, недалеко ушедшие от бандитов власти, и – холод. Постоянный выматывающий холод в душе, прогнать который не могли ни девки, ни водка...

От нелегких раздумий меня отвлек несильный толчок, с которым шасси соприкоснулись со взлетно-посадочной полосой, и последовавшие за ним жидкие аплодисменты пассажиров. Бортпроводница традиционно призвала всех не вставать с мест до полной остановки самолета, и тут же со всех сторон послышался металлический лязг пряжек.

– Подымайся, – заторопился Владимир Николаевич и выдернул наушник у сидевшей с другой стороны Алены Евгеньевны. – Шевелитесь!

– Команды не было, – зевнул я.

– Вставай, говорю!

Только хмыкнув, я откинул подлокотник, выбрался в проход и не успел еще достать свои вещи, как рядом оказалась бортпроводница. Но вместо ожидаемого нагоняя симпатичная девушка одарила меня милой улыбкой и указала в сторону кабины:

– Проходите, вас ожидают.

Я закинул на плечо лямку рюкзака и зашагал на выход. Спустился по трапу и озадаченно обернулся к тащившему пару объемных сумок Владимиру Николаевичу.

– Это за нами, – указал тот на подогнанный к самолету черный внедорожник с наглухо тонированными стеклами.

И действительно, водитель немедленно выбрался со своего места, распахнул заднюю дверцу и принялся загружать в салон поклажу Владимира Николаевича. Я утруждать парня не стал и забрался на заднее сиденье вместе с рюкзаком. Алена Евгеньевна уселась рядом, куратор занял место впереди, и мы отправились в путь.

Плавнo набравший ход автомобиль беспрепятственно покинул территорию аэропорта, вывернул на пустую трассу и помчался к городу. После бессонной ночи меня моментально укачало, глаза начали закрываться сами собой, и, устав клевать носом, я попросил:

– Может, радио послушаем?

Водитель послушно включил приемник, но там, как на грех, передавали выпуск новостей, и от монотонного голоса диктора спать захотелось только сильнее.

– В ближайшее время: джазовый фестиваль, штормовое предупреждение и дерзкое ограбление коммерческого банка. Начнем с криминальной хроники. Вчера вечером неизвестные в масках, угрожая оружием, похитили свыше пяти миллионов рублей из отделения коммерческого банка, расположенного на пересечении проспекта Революции и улицы Карла Маркса. Несмотря на оперативное прибытие наряда полиции, злоумышленникам удалось скрыться. За последнее время это уже...

Узнать, что еще стряслось в городе за последнее время не получилось, – Шептало выключил радио и обернулся к нам с Аленой Евгеньевной:

– Со всеми материалами ознакомились? Какие будут выводы?
– Прямо сейчас об этом говорить собираетесь? – удивился я.
– Не волнуйся, у Виталия, – указал куратор на водителя, – есть соответствующий допуск.
– Рад за Виталия, конечно, – фыркнул я, – но сейчас пять утра, если что. Может, днем соберемся? На свежую голову? Спешка, она только...

– Ты документы смотрел или нет? – резко перебил меня Шептало. – В этот раз нам по чистой случайности удалось взять ситуацию под контроль, в следующий раз так уже не повезет! Представляешь, чем это может быть чревато?

– Представляю, а как же!

– Тогда не трать время на пустые пререкания!

– Ничего я не трачу, – вздохнул я, не желая признавать, что лишь мельком пролистал выданную куратором толстенную стопку распечаток. – Ну и какие у вас есть предположения?

– А какие могут быть предположения? – помрачнел Владимир Николаевич. – Человеку сотворить такое не по силам, следовательно, в город проник кто-то из обитателей Приграничья.

– Каким образом это могло произойти?

– Портал работает нестабильно, – впервые нарушила молчание Алена Евгеньевна. – При относительно постоянном энергопотреблении его пропускная способность скачет в пределах тридцати процентов. Мы связывали это с неоднородностью встречного потока магической энергии, но, возможно, дело также в случайном захвате и переброске материи.

– Переброске двусторонней или односторонней? – уточнил я, нервно глянув в боковое окно. Хоть автомобиль уже и въехал в черту города, водитель продолжал гнать по пустынным улицам, не снижая скорости. Лихач, блин...

– Пока эта гипотеза не получила подтверждения, – предупредил Владимир Петрович.

– В самом деле? – Я потер кончик носа и повернулся к девушке. – А что наука по этому поводу думает? Гипотетически, разумеется?

– Нам не удалось прийти к однозначному мнению...

– Мне кажется или вы чего-то недоговариваете?

Шептало смерил меня раздраженным взглядом и неохотно произнес:

– С момента запуска портала ежегодное количество пропавших без вести увеличилось по Ямгороду на сорок четыре процента, в то время как цифры по региону в целом остались неизменны. При этом примерно каждый двадцатый пропавший впоследствии обнаруживается в Приграничье, чего раньше не фиксировалось.

– Хм... – задумался я, проводя в голове несложные расчеты. – Пропадать стало на сорок четыре процента больше, обнаруживается на той стороне только семь. Если дело исключительно в работе установки, куда деваются остальные?

– Науке это не известно, – мило улыбнулась Алена Евгеньевна. – Но раз жители города стали чаще попадать в Приграничье, то логично предположить, что граница стала проницаема в обе стороны...

– И чего вы тогда от меня хотите, если сами ничего не понимаете?

– Осмотришься на месте, – объявил куратор.

– А смысл?

– Приборы зафиксировали там некие энергетические аномалии, – произнесла Зиминая, – и учитывая твой опыт...

Я задумчиво кивнул. За последние годы находить «окна» – спонтанные переходы в Приграничье, – мне доводилось неоднократно. Что называется, собаку на этом съел. Но приборы?

Что еще за приборы?

– Что за приборы? – не сдержал я любопытства.

– Мы используем экспериментальные устройства по беспроводной передаче энергии.

– Честно говоря, не шибко понятней стало.

Алена Евгеньевна тяжело вздохнула, печально глянула на куратора и попыталась объяснить на пальцах:

– Есть передатчик, есть ресивер, есть нормы потерь энергии на километр. В данном конкретном случае расход получается почти в два раза больше.

– И о чем это говорит? – спросил я и вновь посмотрел в окно. Внедорожник миновал плотину и, свернув с дороги на берег реки, затрясся на колдобинах.

– Вот ты нам об этом и скажешь. Для этого тебя и привлекли, – заявил Владимир Николаевич. – Кто у нас эксперт по всякой чертовщине, а?

– Эксперт, как же, – невесело усмехнулся я и ухватился за ручку над головой, принаравливаясь к тряске автомобиля. – Больше ничего не хотите рассказать?

– Тебе передали полный пакет документов. Если ты не удосужился с ними ознакомиться, это твои проблемы. А теперь, будь добр, перестань ныть.

Я задумался, как бы в цензурной форме выразить свое неодобрение столь неконструктивной позицией, но решил не нарываться на конфликт и вместо этого потребовал:

– Задачу поставьте конкретно.

– Для начала просто осмотришь на месте. Еще вопросы?

– У матросов нет вопросов, – пробурчал я и откинулся на сиденье.

Тут деревья отступили от дороги, и внедорожник выкатил к реке, которая дугой огибала песчаный мыс на том берегу. У нас спуск к воде был более крутым и каменистым, а немного дальше и вовсе начиналась заросшая камышом болотина с плававшими меж ряски пластиковыми бутылками, окурками и прочими приметам популярного места отдыха горожан.

Водитель заглушил двигатель; я распахнул дверцу и выбрался наружу. Место было знакомое – в свое время частенько ходил сюда с друзьями купаться. В жару песчаный пляж заселивали многочисленные отдыхающие, да и с этой стороны их обычно тоже хватало.

И чтоб никто ничего не заметил? Буквально ведь в двадцати метрах...

– Какая погода была вчера, нет, уже позавчера? – спросил я у Владимира Николаевича.

– Жарко, – односложно ответил тот.

– И никто ничего не видел?

– Нет.

– Серьезно?

– А сам как думаешь?

– Да уж... Кто нашел тело?

– Отдыхающие. Думали, утопленник, вызвали полицию. Нам информация уже из ГУВД поступила.

Я забрал у куратора пачку фотографий, глянул на лежавший лицом вниз труп в разорванной и окровавленной одежде и завертел головой по сторонам.

– Где именно его нашли?

– Вон в тех камышах, – указал Шептало через реку.

– Принесло течением?

– В камышах течения нет.

– Аргумент, – согласился я и убрал снимок вниз стопки.

Дальше не лучше, дальше – изувеченное ударом когтистой лапы лицо. Рваная рана спускалась со лба на скулу, левый глаз вытек, нос свернут. Рука оказалась перекушена, а в боку зияла дыра, словно кто-то пытался вырвать печень, но немного промахнулся и запутался в кишках.

И что интересно: сизые ленты тянулись от тела к берегу, но там, по словам куратора, не обнаружилось ни следов борьбы, ни брызг крови. Будто тело из ниоткуда выпало.

Что-то мне это напоминает, нет?

– Как думаешь, – задумчиво уставился вдаль вставший рядом Владимир Николаевич, – это мог быть кто-то с той стороны?

Я поморщился:

– Это не мог быть никто с этой стороны.

Удар по лицу – ерунда, в пьяном угаре люди и не на такое способны. Вцепиться в запястье теоретически могла какая-нибудь здоровенная псина, но вот дыра в боку... Сложно представить, чтобы такое сотворил голыми руками пьяный дебошир или агрессивный собаковладелец. Там ведь не ножом резали, нет – по живому рвали.

– Ну и?

– А скажите, товарищ Шептало, с чего контора вообще на этот случай внимание обратила? И не через неделю, не через месяц, а вот так оперативно?

– А есть разница?

– Возникает, знаете ли, подозрение, что вы не до конца со мной откровенны. А это нехорошо.

– Не говори ерунды, – нахмурился куратор. – У нас, возможно, какая-то потусторонняя тварь в реке завелась, а ты демагогию разводить начинаешь!

– Не давите на меня, Владимир Николаевич. Не стоит. Оно ничем хорошим ни для кого обычно не заканчивается.

– А не много на себя берете, Александр Сергеевич?

Я хотел было напомнить о судьбе его столь же самоуверенного тезки, но вовремя прикусил язык и только буркнул:

– В какое именно время пропал потерпевший?

– Позавчера утром его видели последний раз. И пропал он не один. С ним двое приятелей было. Остальные до сих пор не найдены.

– Час от часу не легче, – вздохнул я. – Это, конечно, кое-что объясняет, но концы с концами все же не сходятся.

– В смысле? – удивился куратор.

– У каждой твари есть свой «модус операнди», от которого она никогда не отходит. Это человек, сука, личность творческая, а хищникам лишь бы брюхо набить. На заболоченном участке можно было бы грешить на вурдалака или кикимору, но здесь-то самое течение. К тому же нападение, судя по всему, произошло на берегу, а следов волочения нет. Кишки только на пару метров тянутся и все.

– И о чем это, по-твоему, говорит?

– Большинство тварей старается задавить жертву по-тихому и сразу уволочь в логово, пока конкуренты не набежали. Ну или самые вкусные куски на месте сожрать. – Алена Евгеньевна при этих словах явственно побледнела. – А тут удар по голове, рука перекушена. С потрохами вообще не пойми что сотворили. Обычно некая узкая специализация сразу проглядывается, а здесь будто развлекался кто.

– Так есть какие-нибудь предположения, кто это мог быть, или нет?

– Предположения есть, – вздохнул я, – но все они вызывают больше вопросов, чем дают ответов. Потому как имеется один нюанс...

– Какой еще нюанс?

– Ни один обитатель Приграничья не может прожить без магической энергии сколь бы то ни было продолжительное время. Без нее даже обычные колдуны с катушек съезжают, что уж тогда об исчадиях Стужи говорить? Попади эти твари в обычный мир, их бы не поиск еды интересовал, а как ласты не склеить.

– Исключения возможны?

– Если только где-то поблизости «окно» открыто и оттуда подпитка идет, – произнес я, задумчиво разглядывая противоположный берег. – Ладно, осмотрюсь на месте, может, что и прояснится. Да! Вы с какой целью на эту сторону приехали? Туда ведь тоже дорога есть.

– Дело в том, – вступила в разговор Алена Евгеньевна, – что наши приборы улавливают непонятную энергетическую аномалию исключительно с этого берега. А там все работает в штатном режиме. Мне это показалось важным...

– Ох уж эти ваши приборы, – покачал я головой и направился к реке. По невысокой траве спустился к воде, присел на корточки, прислушался.

Тихо; тянет свежестью. Вода течет совершенно бесшумно, и даже обычного для раннего утра птичьего гомона не слышно. Странное ощущение, будто к самому краю какого-то другого мира подступил. Но нет ведь открытого «окна» поблизости! Точно – нет! У меня на такие вещи нюх почище, чем у ищейки на наркоту.

Я потрогал воду и поежился, когда холод обжег кисть куда сильнее, чем того стоило ожидать от летнего утра. Ломота осторожно растеклась по запястью, после медленно, будто дожидаясь разрешения, толкнулась вверх, но сразу отступила – словно ничего и не было.

Да и было ли?

Не обнаружась позавчера метрах в тридцати отсюда изувеченный труп, на такой пустяк даже внимания бы не обратил, но, как говорят, история не знает сослагательного наклонения. Похоже, и в самом деле некая аномалия здесь присутствует.

Аномалия – да...

– А вот скажите, Алена Евгеньевна, – вытирая руки о штанину, отошел я от берега обратно к автомобилю, – вы до этого свои приборы через водные препятствия тестировали?

– Ну разумеется! – оскорбилась Зимина.

– И?

– Никакого отношения к обнаруженной здесь энергетической аномалии река не имеет!

– Ладно, возможно, на том берегу какая-то конкретика появится.

– Вперед, – улыбнулся Владимир Николаевич.

– Что значит – вперед? Поехали!

Алена Евгеньевна только улыбнулась.

– В целях сохранения чистоты эксперимента заходить следует с этой стороны, – огорошила она меня. – Мы решили, что, если источник аномалии расположен непосредственно над водой, по-другому обнаружить его не получится...

– Вы обалдели, что ли? – опешил я. – Вы мне в речку лезть предлагаете?!

– Тут неглубоко, – невозмутимо заметил Владимир Николаевич. – Тебе по грудь будет.

– Простужусь же на фиг!

– Вода сейчас уже теплая, а мы полотенце захватили и коньяк. Лодку надувную не стали брать из-за сильного течения. Снесет.

Я в ответ лишь беззвучно выругался и вернулся к реке.

Захотелось послать всех подальше, но что впустую сотрясать воздух? Приказ есть приказ, да и своя логика в подобном предположении имелась. Вдруг действительно «окно» аккуратно посередине реки открылось, а из-за текущей воды его с берега почувствовать не удастся? Шанс мизерный, конечно, но вдруг?

Разувшись, я подтянул штанины и осторожно ступил в воду.

Брр! Холодно!

Ежась, вышел на берег и без особой спешки начал расстегивать штормовку...

– Не тани! – поторопил меня Владимир Николаевич, резонно опасаясь, что могу и пере-думать.

– А кто тянет? Не тянет никто... – ответил я и продолжил раздеваться столь же неторопливо, как и раньше.

На лице Шептало аж желваки заходили. Ничего, перебесится. Не собачка дрессированная, чтобы по щелчку пальцев в горящий обруч прыгать. Или это львы прыгают? Да без разницы в общем-то. Виталия вон своего пусть строит.

А тот как раз отошел от внедорожника с явным намерением выкинуть окурок в воду, но поймал раздраженный взгляд начальника и сделал вид, будто просто разминал ноги.

– И как кеды? – заинтересовался он моей обувкой, убрав докуренную сигарету в пачку. – Удобные?

– Это сникеры, – ответил я и как бы невзначай присмотрелся к парню.

Крепкий, спортивный, роста среднего, внешности славянской. Торчащие коротким ежиком волосы русые, нос прямой, особые приметы в глаза не бросаются.

Нет, не пересекались раньше.

– Хорошо хоть не сникерсы, – сострил Виталий и повторил вопрос: – Удобные?

– Нормальные.

– «Лайф фаст», – опустившись на корточки, прочитал водитель надпись на заднике и с усмешкой продолжил небезызвестное высказывание: – Дай янг?

– Это уж как получится.

– А что за «Аффликшн»?

– Виталий! – одернул водителя Владимир Николаевич. – Не отвлекай товарища!

Я кинул штаны поверх штормовки и, оставшись в одних лишь семейных трусах, неуверенно супил в холодную воду. Шагнул раз, другой, представил, каково придется, когда зайду по пояс, и зябко поежился.

А потом, как гром среди ясного неба, в голове полыхнула мысль: «Куда ты, на хрен, собрался, придурок?»

Совсем от спокойной жизни нюх потерял?! Ладно, если никакой аномалии нет, а вдруг – есть? Вот провалишься на ту сторону практически голым, весело будет?

Не провалишься? Точно?

Неужто забыл, как первый раз влип?

Тогда все началось с тишины, точнее – со смолкшего перестука колес. А в остальном ничего особо не изменилось. Негромкие разговоры, шлепки карт, толчея у туалета.

Вот именно – у туалета. Туда я, собственно, и направлялся. И вдруг остановка.

Нехорошо получилось. Мочевой пузырь поджимал, а всякому хоть раз путешествовавшему поездом человеку прекрасно известно: туалеты на время стоянок запирают, дабы пассажиры не гадили в пределах населенных пунктов.

Ух, как скрутило!

Я выудил из кармана кожаной куртки мятые десятки и, на ходу пересчитывая деньги, начал проталкиваться к выходу. Раз уж такая оказия вышла, облегчусь на станции, заодно и пива куплю.

Соскочив на перрон, я поежился из-за ни с того ни с сего накатившего озноба и запахнул расстегнутую куртку. Машинально вытащил из кармана вязаную шапочку и только тогда обратил внимание на захрустевший под ногами снег.

И это в сентябре?! Ну и дела!

Удивляясь отсутствию на перроне неперменных бабулек со снедью, я направился к зданию станции, но тут же приметил темневшие пустыми провалами выбитые окна и остановился.

Это еще как понимать? Мы у заброшенной платформы остановились? С какого перепугу?

Решив убраться отсюда подобру-поздорову, я развернулся и на какое-то время просто впал в ступор: поезд как сквозь землю провалился. Ни вагонов, ни локомотива. Кругом лишь заснеженные поля, да серая стена уже облетевших на зиму деревьев.

Какого хрена?! Сердце у меня так и екнуло.

Подскочив к краю перрона, глянул вниз и обалдел окончательно: рельсы тоже исчезли! Более того – испачканные масляными пятнами шпалы, из которых кто-то хозяйственный повывергивал все железные костыли, местами припорошил нетронутый снежок.

Что за бред?!

Где я? Куда, мать вашу, я попал?!

Что за чертовщина?!

В груди противно закололо; я несколько раз глубоко вздохнул и постарался взять себя в руки. Должно же быть какое-то рациональное объяснение случившемуся, должно!

Ведь если начинает казаться, будто мир сошел с ума, это еще не говорит о том, что мир действительно сошел с ума. В первую очередь стоит припомнить, сколько ты выпил. Ну или выкурил.

Куриль я ничего не курил, употреблял только пиво. И употребил его явно недостаточно, чтобы грешить на хмельной напиток. Только вот своих собутыльников видел первый раз в жизни, а когда пьешь с кем попало, надо быть готовым к любым неожиданностям.

Могли мне что-нибудь в пиво подсыпать? Да запросто! И не со зла даже, а просто шутки ради. Повеселиться за чужой счет любителей хватает, а человеку с моим весом – трех таблеток того же тарена за глаза хватит.

Но поскольку на наркотическую галлюцинацию происходящее нисколько не походило, то логично предположить, что под воздействием некоего препарата я сошел с поезда и заблудился. Теперь вот отпустить начало...

Убеждая себя, что ничего страшного не произошло, я отошел к ближайшим кустам, облегчился и вернулся на перрон. Немеющими от холода пальцами застегнулся, задумчиво огляделся и тяжело вздохнул.

Ну и куда двинуть? Направо? Налево?

– Ау! – Женский крик заставил вздрогнуть. – Эй! Есть здесь кто-нибудь?

– Есть! – хрипло откликнулся я.

– Привет! – Из-за билетных касс выбежала девчонка лет двадцати в коротенькой курточке с меховым воротником, джинсах и кожаных сапожках. – Уф, хоть кого-то нашла! А то думала, совсем одна тут! Чуть не чокнулась! Меня Катей зовут!

– Александр, – пробормотал я, понимая, что с появлением девушки версия о подсыпанном в пиво наркотике накрылась медным тазом. – Слушай, ты как сюда попала?

– Я с поезда сошла, а здесь все заброшено...

– «Уфа – Нижневартовск»?

– Да, в Сургут к родителям из Екатеринбурга еду. Училась там.

– Я тоже в Сургут. Ехал. Вагон третий был?

– Нет, седьмой. А что? – удивилась Катя. – Ты вопросы какие-то странные задаешь.

– На рельсы глянь, – посоветовал я.

Девушка подошла к краю перрона, посмотрела вниз и неожиданно крепко выматерилась.

– Извини, – тут же обернулась она. – Проживание в общежитии сказывается...

– Забей, – махнул я рукой.

Катя достала из кармана пачку сигарет, взяла себе, протянула мне. Я отказываться не стал, но стоило затянуться, как легкие начал рвать резкий кашель.

– Не куришь? – догадалась девушка.

– По такому поводу можно и закурить. – Я сделал еще одну затяжку и, будто оправдываясь, пояснил: – У меня хронический бронхит, но такая фигня сейчас уже как-то даже не волнует...

– Вот это мы с тобой влипли! – кивнула Катя.

– Ты ничего не употребляла в поезде?

– Ничего крепче чая, – сразу поняла мой намек девушка. – С семейными ехала...

– Беда, – ежась от кусачего морозца, пробормотал я и выкинул недокуренную сигарету в снег. – Слушай, надо как-то выбираться отсюда...

– Темнеет уже. – Катя затаилась и алой точкой окурка ткнула в хмурое небо. – Нам бы ночь где-то переждать...

Где-то? Выбор на самом деле невелик.

Я глянул на билетные кассы и решил, что должен взять инициативу на себя. В конце концов, мужик я или нет?

– Идем! – потянул девушку за собой.

Дернул ручку – заперто, пнул дверь – не шелохнулась даже. Окна разбиты, но на них решетки. А остальные строения чистые развалюхи; ветер сильнее дунет, и обрушатся.

– Подожди, – попросил я Катю и отправился на задворки.

Порыскав там какое-то время, я вернулся с найденным в куче хлама тяжеленным ржавым гвоздодером. Холодное железо обжигало ладони, и пришлось перехватить инструмент, обернув его рукавом куртки. Неудобно, зато пальцы не обморожу.

Вогнав изогнутый конец гвоздодера меж дверным полотном и косяком, я приналег, и трухлявое дерево не выдержало: хрясь – и пусть свободен.

– Ой, Александр, ты такой молодец! – обрадовалась Катя.

– Да просто Саша, – смутился я, настороженно заглядывая в темное помещение билетных касс.

Пусто, пыльно, холодно. Но зато здесь от ветра укрыться можно и костер развести не проблема. Только мебель на растопку не сгодится – сплошные пластик и ДСП.

– Саш, может, огонь разожжем? – будто прочитала мои мысли переступившая через порог девушка.

– Конечно, – кивнул я. – И окна чем-нибудь закрыть надо...

– Как думаешь, подойдет? – ткнула Катя носком сапожка стоявшую у входа здоровенную картонную коробку, заполненную всяким хламом.

– Вполне, – кивнул я и отправился на поиски дров.

Пока выламывал гвоздодером деревянные брусья стоявших на улице скамеек и таскал обломки в комнатуху, девушка прикрыла оконные решетки картонными листами распотрошенной коробки, и в итоге мне осталось лишь выбрать с пола бумажку посуше, придавить ее щепками и запалить одолженной у девушки зажигалкой.

– Хотя какая-то польза от курения, – невесело рассмеялась Катя.

– И не говори. А то бы трением до утра огонь добывали, – улыбнулся я. Дождался, пока языки пламени перекинутся на щепки потолще и подложил в костер обломок бруса. Сам отошел к двери и задумчиво оглядел вывороченный косяк. На душе было тревожно, и мысль о том, что придется ночевать в незапертом помещении, мягко говоря, не радовала.

И ведь открывается наружу – не подпереть!

В итоге я просунул один из заготовленных на дрова брусьев в намертво привинченную к полотну ручку и тот гигантским засовом заблокировал дверь. Толкнул – не открывается. Порядок.

Вернувшись к девушке, я устроил изогнутый конец гвоздодера меж полыхавших поленьев – хоть руки не так морозить будет! – и вытянул к огню озябшие и покрасневшие от холода ладони. Сразу стало теплее, но по ногам так и тянуло ледяным сквозняком.

– Слушай, Кать, как думаешь – где мы? – спросил я, не желая сидеть в тишине. Треск поленьев, шум дыхания – это не то. Важны слова, голоса. Лишь они могли отпугнуть притаившуюся за окнами ночь.

– Не знаю, – быстро ответила та. – Не знаю, и думать об этом не хочу. До утра бы дожить...

– Доживем! – со всей возможной в этой ситуации уверенностью заявил я.

Постепенно воздух в комнатухе начал прогреваться; девушка откинула с головы капюшон, и я залюбовался тонкими чертами ее лица. Отсветы огня играли на рыжеватых волосах, превращая их то в расплавленное золото, то в красную медь, а в зеленых глазах мелькали изумрудные огоньки.

– Так ты к родителям ехала?

– Да как-то с работой не заладилось.

– У меня тоже, – вздохнул я, хотя на деле после получения диплома озаботиться поисками нормального места просто не удосужился. – Друзья на Север позвали. Говорят, чё ты как лох, хоть на машину заработаешь. А у меня даже прав нет – зачем мне эта машина? Но согласился вот, на свою голову...

– За компанию? – догадалась Катя.

– Ага. Только друзья раньше уехали, а я...

– Слушай! – насторожилась вдруг девушка.

– Что?

– Ничего не слышал?

– Нет.

– Будто шуршало что-то.

– Может, мыши?

– Боюсь мышей, – поежилась Катя.

– Не бойся, покараулю пока. – И хоть огонь и не думал затухать, я подкинул в костер сразу несколько обломков расщепленного бруса.

Просто беспокойство девушки передалось и мне. Невесть с чего почудилось, будто под покровом темноты к билетным кассам подобралось неведомое чудовище, и по спине побежали колющие мурашки.

Вот – нечто темное заглядывает в окно, вот – оно ходит кругами, выискивая путь внутрь. Гладит призрачными когтями хлипкую дверь, вздыхает...

Ветер, это всего лишь ветер.

Натянув на голову капюшон куртки, девушка напряженно уставилась в костер; я поежился и постарался выкинуть из головы ожившие с наступлением темноты страхи.

Без толку – воображение и не думало униматься, а ночь подкидывала все новые и новые поводы для беспокойства.

Тут скрипнут оконные решетки, там зашебаршит осыпающаяся со стены побелка. В дальнем углу – недовольное шипение, на крыше – непонятный шорох. А еще время от времени легонько потрескивало дверное полотно, будто снаружи на него навалилась неведомая сила, жаждущая добраться до двух перепуганных людей.

Я скороговоркой прочитал все три молитвы, которые знал, и, как ни странно, страх тотчас отступил.

Страх – отступил, скрывавшаяся в ночи тварь – нет. Теперь уже совершенно явственно хрустнула дверь, и сразу зашуршала посыпавшаяся с косяка цементная крошка.

– Что это? – испуганно прошептала Катя.

И словно истеричные нотки в ее голосе заставили ночного охотника позабыть об осторожности, – резко переломился просунутый в ручку брус. Дверь с грохотом распахнулась, а стоило ворвавшемуся в нее ветру сбить неровное пламя костра, как следом с улицы проскользнула непроглядная тьма.

Тьма и нечто, скрывавшееся в ней.

Страх немедленно лишил сил, заткнул рот, сбивчиво зашептал на ухо успокаивающе-гаденькое: «Сиди спокойно, не дергайся, и, возможно, оно выберет не тебя»...

Не меня? Я ощутил тепло прижавшейся девушки и вдруг понял, что не хочу ее терять. Не хочу – и точка. А еще не хочу бояться.

Так какого черта?!

И схватив гвоздодер, я со всего маху саданул железякой по тьме, выделявшейся на фоне багряных углей своей непроглядной чернотой. Раскаленный докрасна крюк вошел в неведомую сущность, будто горячий нож в масло, и сразу взвыло так, что пыль с потолка посыпалась.

Миг спустя импровизированное оружие вырвало у меня из руки; тьма метнулась за порог; я – следом. Но не вдогонку, нет. Вылетев на улицу, я сунул в снег обожженную ладонь и в сердцах покрыл матом и саму ночь, и всех ее обитателей, вместе взятых.

Боль и выброшенный в кровь адреналин притупили страх, и обратно в билетные кассы я вернулся пусть и не гордой походкой победителя, но и не забыв прихватить валявшийся на крыльце гвоздодер с перекрученным неведомой силой крюком...

Захлопнул дверь, подкинул во вновь начавший разгораться костер едва ли не половину заготовленных на ночь дров и уселся рядом с мелко-мелко дрожавшей девушкой.

– Что это было? – тут же прижалась ко мне Катя.

– Не важно, – обнял я ее. – Не важно. Я тебя в обиду не дам. Все будет хорошо.

И все должно было быть хорошо. Только вот не было...

Вспомнилось мне это – и сразу как мороз по коже. Нет, вновь угодить в такую переделку совсем не хотелось. Дураков нет...

И, решительно развернувшись, я выбрался на берег.

– Ты чего? – удивился Владимир Николаевич.

– Сами лезьте.

– В смысле? – нахмурился куратор.

– Да я тут подумал – не стоит горячку пороть. Надо все обдумать, подготовиться нормально...

– Да нет у нас времени на подготовку! – рявкнул Шептало. – Сегодня воскресенье, тут с самого утра от народу не протолкнуться будет!

– Без оружия не полезу.

– Виталий! – обернулся Владимир Николаевич к водителю. – Неси. – А когда парень притащил обшарпанный дипломат, куратор шелкнул замками и подозвал меня: – Получи и распишись.

– Вот вы продуманные, – только и вздохнул я. Кобура, потертый ПМ, два набитых магазина. – А серебряные пули?

– Обойдешься, – ожидаемо отказал куратор. – Нет причин полагать, что они тебе понадобятся. Теперь все?

Я расписался и загнал магазин в рукоять пистолета.

– Уговорили. Иду.

– Давно бы так, – с явственным облегчением перевел дух Шептало, но тут же всполошился вновь: – Ты куда?!

– Сюда, – усмехнулся я, вытаскивая из внедорожника свой рюкзак.

– Зачем еще?

– Злые вы, уйду я от вас.

Никуда уходить я, разумеется, не собирался. Просто в рюкзаке, несмотря на его невеликие размеры, хранилась масса полезных вещей.

Пара ножей – карманная «крыса» и едва-едва умещавшееся в большом отделении мачете, медицинская струнная пила, зажигалка, магниевое огниво, фонарик, лыжная шапочка, перчатки, несколько фальшфайеров, солнечные очки, марганцовка, леска и крючки, набор антибиотиков, презервативы, увеличительное стекло, компас, перевязочный материал и тому подобные мелочи, которые в чрезвычайной ситуации могут значительно облегчить, а зачастую и спасти вашу жизнь.

Я запасливый, да. А еще немного параноик. И даже не спрашивайте, как все это хозяйство удалось пронести в самолет, хе-хе...

Положив кобуру с ПМ и одежду поверх рюкзака, я подхватил свободной рукой обувь и в нерешительности остановился на берегу. Остановился, поскольку неожиданно возник вопрос морально-практического характера.

А именно: снимать трусы или нет.

С одной стороны, у нас тут дама; с другой – и хрен бы с ней: мне в мокрых трусах потом шарахаться вовсе не улыбается. Еще не хватало хозяйство застудить.

Колебался недолго. Разделся и, сверкая голым задом, решительно шагнул в речку. Под ногами заскользили голыши, но я и не подумал замедлить шаг – остановлюсь, и точно назад поверну. Холодно!

Вскоре дно пошло под уклон, и ледяная вода как-то неожиданно быстро добралась до пояса.

Ух! – у меня аж дыхание перехватило. Чтоб вас всех! Чтоб вас...

Стиснув зубы, зашагал дальше – главное не останавливаться! – и осклизлые камни под ногами сменились мягким песком, а поднявшаяся до середины груди вода пошла на убыль. У противоположного берега течение потянуло вбок, и постепенно я начал все больше и больше смещаться к камышам, где и было обнаружено тело.

Пробрался к нужному месту, прислушался к собственным ощущениям и...

...и не почувствовал ничего особенного! Ровным счетом ничего!

Вот ведь! Неужто зря мерз?

Черт, как же холодно!

Внимательно разглядывая обломанные спасателями, полицейскими и зеваками камыши, я выбрался на берег, и там на меня совершенно неожиданно накатило ощущение некоей неправоильности. Будто мир распался на части, а я завис аккурат посередине точки разлома и могу выбирать...

Выбирать? Что выбирать-то?

Сбросив непонятное оцепенение, я пробрался через кусты и вдруг ощутил присутствие разлитой в воздухе магической энергии. Немедленно заломило давным-давно сломанные ребра, скрутило правое предплечье, холодом серебра обожгли голую кожу звенья цепочки...

Я рванул прочь от опасного места, и неприятные ощущения почти сразу сошли на нет. Лишь на правой руке от запястья и до локтя налились чернотой выжженные на коже магические символы, еще минуту назад бывшие бесцветными росчерками едва заметных шрамов и татуировок.

Выскочив на небольшую полянку, я сразу кинул рюкзак с одеждой на траву, выхватил из кобуры пистолет, дослал патрон...

И лишь ощутив в руке привычную тяжесть оружия, начал понемногу успокаиваться.

Чего всполошился-то? Ну почувствовал остаточные следы магической энергии – и что с того? Обычное дело на месте недавно схлопнувшегося «окна», обычное дело...

И вместе с тем некое ощущение неправильности заставляло раз за разом прокачивать в голове ситуацию.

Что не так? Что?!

Патрон в патроннике, пистолет в руке, указательный палец у спускового крючка.

Порядок! Или нет?

Не выпуская рукоять «макарова», я кое-как просунул ноги в штанины, затянул ремень и обулся. Повертел головой по сторонам, но через густые заросли не смог разглядеть ни внедорожник, ни оставшихся на том берегу коллег. Выходит, и они меня из виду потеряли.

И это просто здорово; иначе Шептало непременно попытался бы в воду загнать. А лезть в речку по понятным причинам категорически не хотелось; более того – при одной только мысли об этом свело мошонку.

Ну, уж нет, не дождетесь.

Переборов непонятное беспокойство, я убрал пистолет в кобуру, натянул на себя футболку и достал мобильник.

Ай-ай-ай, как нехорошо – после авиаперелета телефон так и не включил!

И, послушно пикинув, смартфон забылся мертвым сном. Все, теперь не вызвонят.

Закинув рюкзак за спину, я выбрался из кустов – нигде ни брызг крови, ни даже обычного мусора и проплешин кострищ – и сразу приметил петлявшую в траве тропинку. Поднялся по ней на невысокий пригорок и оказался на краю широкого поля, на дальнем краю которого зеленели высоченные тополя. Справа тянулся заросший березами овраг, слева пятнами темной листвы выделялись посадки облепихи.

Если не ошибаюсь, напрямик до первого корпуса госуниверситета здесь минут десять идти. Вот оттуда и позвоню.

Задумчиво потеряв исчертившие правое предплечье черные ниточки ожогов, я зашагал по тропинке. Иду, а кругом – чистое благолепие. Разогретые солнцем луговые травы пахнут, кузнечики стрекочут, бабочки порхают, на прояснившемся небе не видно ни облачка.

Хорошо. Замечательно просто.

Но тут взгляд зацепился за лежавшие в траве стволы поваленных деревьев, и я в некоторой оторопи замедлил шаг. Четыре высоченных сосны уложили крестом с направленными в разные стороны света макушками, и вот так с ходу сообразить, с какой целью это художество сотворили, не получилось. Понимаю – еще под Новый год елочку домой уволочь или сухостой на дрова пустить, но такое...

Не лень ведь сюда тащить их было!

И вновь невесть с чего стало не по себе. Словно призрачной ладонью по загривку провели. Будь волосы на голове, точно бы дыбом встали.

Заткнув край футболки за кобуру, я потрогал освобожденную от одежды рукоять пистолета и отправился дальше, уже куда внимательней прислушиваясь к собственным ощущениям. Но нет – все спокойно. Лишь легкая, едва уловимая ломота, растекшаяся по правому предплечью, намекала на то, что расслабляться сейчас никак не стоит.

А еще – в голове так и зудело: «Что-то здесь неправильно, что-то здесь не так...»

Воздух чище, дышится легче, только не в этом суть. Магический фон повышен, но это совершенно нормально, если «окно» вчера-позавчера закрылось. Правда, закрылось ли оно? Вдруг нет никакой аномалии, а есть лишь распахнутая дверь в Приграничье?

Впрочем, это и само по себе аномалия...

Решив все же не торопиться с выводами, я проверил, легко ли выходит из кобуры «макаров», и настороженно вошел в тень тополиной рощицы. Обогнул секции, оставшиеся от невесть когда и кем установленной здесь железной ограды, и подобно известному витязю оказался на распутье.

Точнее – на перекрестке, рядом с которым на небольшой прогалинке чернело свежее кострище.

Оно-то мое внимание и привлекло. Обычно люди огонь в более укромных местах разводят, а не у всех на виду...

Отломав с росшего неподалеку куста сухую ветку, я разворошил его не до конца прогоревшие угли и выкатил на примятую траву обугленный череп.

Череп, что характерно, человеческий.

Ух ты, елки-палки!

Мне с трудом удалось удержать совершенно неуместный сейчас рвотный позыв, но, когда откопал затылочную кость и нижнюю челюсть, вновь сделалось нехорошо.

Черепушку, такое впечатление, прежде чем запечь, не только от остатков скальпа, но и от мозгов очистили. Хотя, может, это студенты с анатомическим экспонатом шутки шутили?

Шутки? В гробу я такие шутки видал...

Обошел полянку, но ни засохшей крови, ни обрывков скальпа не обнаружил.

Что хочешь, то и думай. Капец, блин...

Закатив череп в высокую траву – не тащить же с собой эту гадость! – я вернулся на тропинку и вдруг самым краешком глаза уловил резкое движение в зарослях боярышника. Резко пригнувшись, уставился на посадки, но – никого.

Померещилось? Или голову напекло?

Чертовщина какая-то...

Я медленно распрямился и неожиданно обнаружил, что пальцы отведенной в сторону руки скрючены, будто стискивают рукоять невидимого ножа. На какую-то долю мгновения даже удалось ощутить тяжесть холодного камня, а потом наваждение рассеялось, и ладонь сжалась в кулак.

Вот это номер!

«Тихо шифером шурша, едет крыша не спеша»...

Похоже, магический фон здесь куда выше, чем поначалу показалось.

Валить, валить отсюда надо!

Я попятился, и тут над зарослями боярышника с хриплым карканьем взметнулась в воздух стая ворон.

Вот ведь напугали, заразы!

Но зато теперь ясно, где тело – или тела? – лежит. Вороны известные падальщики.

Пойти, проверить?

Нет, ну его к лешему. От ненужного героизма Приграничье в первую очередь отучает. Там если кто геройствовать и начинает, то либо по-пьяному делу, либо когда совсем уж в угол загонят. Не живут там герои. Точнее – не выживают.

Да и не царское это дело; пусть специалисты в поле работают, а я им ценные указания по телефону раздавать буду. У меня в контракте поиск приключений на свою пятую точку не прописан...

И я тихонько рассмеялся себе под нос.

Неужто поумнел? Патрульным в какие только переделки не попадал за еду практически, а тут осторожничать начал – просто караул!

А с другой стороны, как не осторожничать?

Когда тебя товарищи страхуют, а под рукой двустолка и патроны с серебряной начинкой в загашнике, – это один расклад, а когда ты один и на руках только ПМ – все в несколько ином свете видится.

Сильно мне пистолет при встрече с тем же вурдалаком поможет? Если застрелиться только, чтоб не мучиться. Да и оборотню стандартная шестиграммовая пуля как слону дробина.

Так что на фиг, на фиг...

Не забывая оборачиваться и поглядывать по сторонам, я дошел до кустов, в которые нырнула тропинка, и полез в них, раздвигая ветки руками. А когда заросли остались позади, меня как-то вдруг со всех сторон окружил город.

Через дорогу серые громады девятиэтажек и нарядная бежевая высотка, сбоку выстроенное из красного кирпича здание госуниверситета.

Студенты, машины, фонарные столбы, троллейбусные провода, отъезжающий от остановки автобус. Духота, пыль, выхлопные газы. Дышать просто невозможно.

Стою на асфальте в кеды обутый, короче говоря...

Это что получается, я прямиком на улицу Пилотов вышел? А парковка университетская куда запропала? Да и Набережную отстраивать взялись; какими такими секретными тропами мне их миновать получилось?

Ничего не понимаю.

Не понимаю? А ведь все предельно ясно...

В голове забрезжила догадка, и я вернул уже вытасненный мобильник в карман. Сначала все как следует обмозговать надо, потом куратору звонить.

Перебежав через дорогу, я по железной лестнице поднялся в расположенный на первом этаже жилого дома магазинчик с завлекательной вывеской «ПИВО» и с сомнением прошелся вдоль многочисленных кранов.

И в самом деле – пиво, пиво, пиво...

А мне только пива сейчас для полного счастья не хватало!

– Литр кваса, – попросил я, заметив написанный от руки ценник, и кинул на прилавок мятую сторублевку. Дождался, пока продавщица наполнит пузатую пластиковую бутылку, забрал сдачу и вышел на улицу.

Там, не спеша попивая холодный квас, я прокрутил в голове сегодняшние события, не нашел в своей теории особых изъянов и набрал куратора.

– Что значит, где меня черти носят? – возмутился в ответ на необоснованную претензию. – Я работал вообще-то! Давайте, подъезжайте за мной на Пилотов. Магазин «ПИВО» через дорогу от главного корпуса университета. Все, жду.

И ничего больше не слушая, отключился. Скинул рюкзак на газон, сам улегся рядом и, заложив руки за голову, уставился в небо.

Хоть немного дух перевести. А то чего-то вымотался, сил никаких нет...

Виталий прикатил минут через десять. Заехав прямо на тротуар, он опустил боковое стекло и усмехнулся:

– Тут одно гостеприимное заведение во дворах расположено. Не знаю, как сейчас, а раньше оно медвытрезвителем именовалось...

– Мне столько квасу не выпить. – Я поднялся с газона и подошел к автомобилю. – А остальные где потерялись?

– Дела у них, – неопределенно хмыкнул водитель и протянул руку к пузатой бутылке: – Можно?

Я разрешил; Виталий протер ладонью горлышко, хлебнул и указал на магазин:

– Здесь брал?

– Ага.

– Посмотри за машиной, – попросил он и, на ходу доставая бумажник, взбежал по гулкой лестнице.

– Не проблема.

С рюкзаком в руках я забрался на заднее сиденье, кинул полупустую бутылку под ноги и вновь набрал куратора.

– Ну и где тебя черти носили? – с ходу зарычал в трубку Владимир Николаевич.

– В смысле?

– Ты издеваешься? Четыре часа до тебя дозвониться не могли!

– Четыре часа?! По моей оценке прошло существенно меньше времени...

– Да что ты говоришь?! Ну-ка проверь!

– Сейчас. – Я посмотрел на наручные часы, перевел взгляд на экран телефона, который получал данные напрямую от мобильного оператора, и обнаружил, что «командирские» отстают на три с четвертью часа. – Блин, есть такое дело...

– Ладно, докладывай, – потребовал отчета Шептало. – У меня как раз несколько свободных минут образовалось.

Подводя стрелки часов, я вкратце рассказал о случившемся, но выводами делиться пока не стал, как не стал и отговаривать куратора, вознамерившегося отправить по моему маршруту пару человек.

Пусть пройдутся, дополнительная проверка моей гипотезы лишней точно не будет.

Тут вернулся Виталий, я принял у него пару пузатых бутылей с квасом, устроил их рядом и спросил:

– Куда сейчас?

– В институт велели, – усаживаясь за руль, ответил водитель. – Нет возражений?

– Нормально.

И мы поехали. Быстро так поехали, но нельзя сказать, чтобы очень уж весело. Виталий включил «Радио Шансон», а поскольку от большинства резидентов этой станции меня откровенно подташнивало, я вскоре не выдержал и поинтересовался:

– Слушай, у тебя Наговицына нет случаев?

– Почему нет? – И водитель вставил в магнитолу компакт-диск со сделанной черным маркером надписью «Дори-Дори».

Распластались у двери глухари,
Поохотились не зря егеря.
Одинокая свеча догорит,
Да потом ее заменит заря.
Пули бронзовой блеск,
Укороченный ствол...

Ну вот, другое дело! Насколько наших так называемых шансонье на дух не переношу, настолько Наговицын цепляет. Присутствуют у него в голосе интонации какие-то...

И, развалившись поудобней на широченном сиденье, я как-то совершенно незаметно для себя самого задремал. Все же ничто так не восстанавливает душевное равновесие, как осознание того, что с твоими проблемами придется разбираться кому-то другому...

– Приехали! – вырвал меня из полудремы голос Виталия.

Я продрал глаза и увидел, что внедорожник въехал в просторный двор, а за нами, отсекая глухую улочку, медленно закрываются автоматические ворота.

Надо сказать, само по себе здание НИИ впечатления не производило. Обычная трехэтажная коробка, втиснутая меж разделенным на офисы проектным учреждением и глухим торцом жилого дома. Внимание привлекали разве что глухой забор с пущенными поверху витками колючей проволоки да лес антенн на крыше. Ну и машины на территории вовсе не дешевые стояли.

Виталий загнал внедорожник на свободное место, я выбрался из салона и уточнил:

– Куда теперь?

– Оружие сдавай.

– Держи.

Вытащил из кобуры ПМ, вынул магазин, выщелкнул досланный патрон. Вернул пистолет Виталию и взамен получил пластиковую карточку с фотографией, фамилией-именем-отчеством и институтской должностью.

– Это местный пропуск. – Водитель захлопнул дверцу, поставил машину на сигнализацию и зашагал к ближнему крыльцу. – Идем, нам сюда.

Мы поднялись по выщербленным бетонным ступенькам, и парень, проведя собственным электронным пропуском у датчика, отпер замок. Дальше оказался небольшой тамбур, где бди-

тельный охранник внимательнейшим образом изучил наши документы и только после этого разблокировал ведущую во внутренние помещения дверь.

– Все серьезно у вас, погляжу, – не удержался я от усмешки, поднимаясь на второй этаж.

– Выездная проверка Счетной палаты идет, вот и соблюдают инструкции от и до, – пояснил Виталий.

– Проверяют, сколько наворовали?

– Так точно.

По пустому коридору мы дошли до приемной с табличкой «Григорий Петрович Грачев, заместитель директора по транспорту», и там водитель спросил у сидевшей за столом тетеньки средних лет:

– Можно?

– Вас ожидают, – кивнула та.

Виталий приоткрыл обитую искусственной кожей дверь и заглянул внутрь:

– Не помешаем?

– Входите, – отозвались из кабинета.

Водитель пропустил меня вперед и поинтересовался:

– Владимир Николаевич, я схожу пока оружие сдать?

– Разумеется, – отпустил его Шептало и обратился к хозяину кабинета: – Григорий Петрович, это заместитель начальника нашего центра повышения квалификации. Леднев его фамилия. Он же Лед, он же Скользящий, ну да вы в курсе.

– Наслышан, наслышан. – Замдиректора по транспорту, на длинной птичьей шее которого выделялось крупное адамово яблоко, привстал из-за стола и протянул руку. – Александр Сергеевич, если не ошибаюсь?

– Все верно, – ответил я на рукопожатие.

Григорию Петровичу оказалось лет под сорок, и внешность его полностью соответствовала занимаемой должности. Этаким якобы простоватый мужичок, неотесанный, угловатый, в немного косо сидящем пиджаке и рубашке с расстегнутой верхней пуговицей. Снятый галстук обнаружился на подоконнике, и, вероятно, надевался он исключительно на время общения с ревизорами.

Да и в своем кабинете, похоже, господин Грачев много времени не проводил. Слишком уж необжито здесь было. На составленных буквой «Т» столах только пара телефонных аппаратов, выключенный компьютер с пыльным монитором и одинокая папка с приклеенной скотчем этикеткой «На подпись». На стене – российский герб в золоченой раме и фотография действующего президента.

– Григорий Петрович руководит деятельностью транспортного цеха, – многозначительно заметил Шептало.

Я кивнул, принимая эту информацию к сведению, и уточнил:

– Кто еще в институте посвящен во все... аспекты нашей деятельности?

– Весь персонал транспортного цеха и Зимина из энергетического отдела.

– А главный?

– А к чему эти расспросы, собственно? – насторожился Грачев.

– Да просто чтоб не трепануть при посторонних лишнего, – пояснил я.

– Директор осуществляет руководство текущей деятельностью и в подробности не вдаётся. Ему так при назначении настоятельно рекомендовали, – усмехнулся Григорий Петрович. – Думаю, он, как и все остальные, полагает, что мы просто бюджетное финансирование пилим.

– А служба безопасности?

– Охрана внештатная, замдиректора по режиму в основную деятельность не посвящен. Должность у него чисто номинальная, сплошное бумагомарание и немалая ответственность при минимуме полномочий. Он ментовской полковник-пенсионер, просто номер отбывает.

– Готов за прибавку к пенсии на некоторые непонятности глаза закрыть?

– Да нет, несколько кляуз по поводу нашего, цитирую, «махрового казнокрадства» он в министерство уже накатал, – хмыкнул Грачев. – Правда, скорее, чтобы соучастие не пришили. Перестраховывается, бумажками обкладывается.

– Тот еще пенсионер, да?

– Работа у человека такая, – пожал плечами Григорий Петрович.

– Давай уже к делу приступим, если не возражаешь, – отвернулся от окна Владимир Николаевич. – Ты ведь не возражаешь?

– Нет.

– Тогда поведай нам, чем таким галлюциногенным ты в самолете закинуться успел?

– В смысле?

– В том смысле, что выездная группа твой рассказ не подтвердила. Никакого черепа в костре, никакого костра. И в принципе возникает вопрос, а где ты эти четыре часа пропадал?

– К этому вопросу мы еще вернемся, – пообещал я и, тщательно подбирая слова, продолжил: – Поправьте, если ошибаюсь, но меня выдернули из отпуска, поскольку в качестве рабочей гипотезы вы рассматривали вероятность того, что из Приграничья в Ямгород проникло некое существо, которое требовалось идентифицировать и нейтрализовать.

Я дождался утвердительных кивков и расплылся в довольной улыбке:

– Ответственно заявляю, что никто никуда не проникал! Поэтому будьте добры, закажите мне авиабилет в Сочи. Можно через Москву, только чтоб улететь сегодня.

– И что, по-твоему, произошло? – поджал губы куратор, ожидаемо пропустив мимо ушей мое пожелание относительно скорейшего возвращения на курорт.

– В документах упоминалось, что одним из побочных эффектов работы портала является приток магической энергии из Приграничья...

– И что с того? – прищурился Григорий Петрович.

– Думаю, все дело в чрезмерно интенсивной эксплуатации установки. Идущая с той стороны магия просто не успевает полностью рассеяться и соответственно начинает оказывать воздействие на нашу реальность. Например, если у вас зальет пол водой, то она скопится под паркетом, и какое-то время спустя дерево разбухнет и вздуется. Так и у нас. Магическая энергия искривляет пространство и заполняет собой образующиеся полости. Или свертки? Да, наверное, все же свертки.

– Если граница между мирами невредима и с той стороны через нее никто не проникал... – Шептало навис над столом и, чеканя слова, произнес: – Кто убил парня?!

– Без понятия, но это точно было не исчадие Стужи.

– А кто тогда? – уставился на меня куратор. – Хватит ходить вокруг да около! Выкладывай уже!

– Ну... – замялся я, – честно говоря, похоже на работу оборотня.

– А оборотни – это исконные обитатели нашего мира, да? – с нескрываемым сарказмом поинтересовался Владимир Николаевич. – Откуда здесь мог взяться оборотень, если не из Приграничья?

– Оборотень – это в первую очередь человек. Что становится толчком к превращению в зверя, никому доподлинно не известно. Поэтому если три товарища случайно провалились в наш так называемый свертки и кого-то там из-за слабой сопротивляемости организма магии начало корежить, это вполне могло привести к столь печальным последствиям.

– И где нам теперь искать убийцу?

– Думаю, оборотень до сих пор в свертке.

– Сможешь его ликвидировать?

– А смысл? – вздохнул я, вовсе не горя желанием растрачивать свой отпуск на всякую ерунду. – В свертке оборотень никому опасности не представляет по той простой причине, что там никого нет. А если он вдруг выберется в нормальный мир, то обернуться зверем уже не сможет из-за нехватки магической энергии. Вы и сами его прекрасно повяжете; я вам для этого совершенно не нужен. Лучше участкового оповестите, чтобы ситуацию контролировал.

– Действительно – не нужен, – согласился с моими доводами Шептало, задумчиво постукал пальцами по спинке стула, за которым стоял, и попросил: – Григорий Петрович, пригласите Алену Евгеньевну.

Грачев поднял телефонную трубку и коротко бросил:

– Зимину ко мне. Срочно.

– Так что насчет обратного билета? – напомнил я.

– Будет тебе билет, – как-то очень уж неопределенно пообещал Владимир Николаевич. – Вот подтвердится твоя гипотеза, и катись отсюда, куда хочешь.

Я только поморщился. Катиться отсюда хотелось прямо сейчас, а не после какого-то там подтверждения. Это адреналиновым наркоманам такие приключения хороши, а меня и спокойное времяпрепровождение на берегу Черного моря более чем устраивало.

– И долго проверять будут? – уточнил на всякий случай.

– А вот сейчас Алена Евгеньевна нам все и расскажет, – пояснил Григорий Петрович.

– Она ведь одна из отдела в курсе происходящего? – задумался я. – Надеюсь, до конца лета тут куковать не придется?

– Не волнуйся, черновыми расчетами займутся рядовые сотрудники, а Зимина только окончательные данные сведет и проанализирует, – успокоил меня Владимир Николаевич. – А пока, будь добр, окажи нам небольшую услугу...

– Чего еще? – насторожился я, заподозрив подвох.

– Вывези главного ревизора пообедать. А мы пока его подчиненных спаивать потихоньку начнем. Воскресенье – а они шуршат бумагами и шуршат. Нехорошо.

Я глянул на часы и хмыкнул:

– Еще двенадцати нет.

– Самое время для ланча. Бери Виталия, он вас отвезет, куда скажешь. Главное в институт подольше не возвращайтесь.

– Дурное дело нехитрое, – усмехнулся я. – Только вот на какие шиши прикажете пьянствовать?

– Григорий Петрович?

– Сейчас бухгалтерия все оформит.

Замдиректора вновь взялся за телефон; я подхватил рюкзак со штормовкой и вслед за Шептало вышел из кабинета. Уже в приемной мы столкнулись с начальницей энергетического отдела, и та не сдержала удивления:

– Владимир Николаевич, вы уходите?

– Сейчас вернусь, – отмахнулся куратор и по залитым мертвым светом люминесцентных ламп коридорам повел меня в бухгалтерию. А когда я расписался за получение пятнадцати тысяч рублей, то как бы невзначай заметил:

– Если сегодня не вернетесь, и вовсе просто замечательно будет.

– Да уж понятно, – хмыкнул я, пряча деньги в карман.

– Насильно не пои.

– А если на озеро вывезти и там забыть?

– Только попробуй!

– Шучу.

Хотя почему – шучу? Можно и забыть, лето как-никак на дворе. Вот как-то раз мои друзья в ночь с первого на второе января в соседний поселок поехали за пивом и одного товарища у магазина потеряли. А у того ни шапки, ни шарфа и сам он не местный, куда идти, совершенно непонятно. Хорошо хоть те гаврики на полпути сообразили, что на заднем сиденье как-то очень уж тихо, и пропажу вовремя обнаружили.

– Идем, шутник, – зашагал куратор к лестнице. – С объектом познакомлю.

Мы поднялись на третий этаж, и Владимир Николаевич остановился у распахнутой настежь двери кабинета, сплошь заставленного картонными коробками и стопками перевязанных шпагатом папок.

– Да понимаете, у нас штат не укомплектован, без привлечения вневедомственной охраны никак не обойтись было! Вот ведь все согласования... – Одутловатый дядька лет пятидесяти что-то горячо доказывал сидевшему за погребенным под кучей бумаг столом ревизору, который лишь рассеяннo кивал и в дискуссию вступать явно не собирался.

– Родион Леонидович, можно вас отвлечь на секундочку? – выгадав момент, вклинился Шептало в экспрессивный монолог толстяка.

– Конечно, конечно. Слушаю вас, – явственно обрадовался нашему приходу аудитор Счетной палаты. – Борис Федорович, вы позволите?

– Хорошо. Минут через пятнадцать подойду, тогда и продолжим, – потер мясистую переносицу одутловатый и, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, вышел в коридор.

– Какой же он все-таки трудный! – вздохнул ревизор и поднялся из-за стола закрыть окно. Сквозняк перестал шелестеть подшитыми в раскрытые папки листами, и сразу сделалось невыносимо душно.

– Работа у человека такая, – не стал принимать чьей-либо стороны Шептало и указал на меня: – Это заместитель начальника нашего центра повышения квалификации. Он местный уроженец и любезно согласился показать вам достопримечательности города.

– Скорее – достопримечательности общепита, у меня со вчерашнего вечера из-за перелета маковой росинки во рту не было, – улыбнулся я и, прежде чем ревизор успел отказаться от столь неприкрыто навязываемого похода на обед, протянул руку: – Александр Сергеевич.

– Родион Леонидович, – не без колебания ответил на рукопожатие аудитор, умное тонкое лицо которого выдавало потомственного интеллигента. – Тут неплохое кафе совсем рядом...

– Мы на машине, – пояснил я, – по времени точно так же выйдет.

– Соглашайтесь, – проникновенно надавил на ревизора Владимир Николаевич, – а я пока Прокофьеву внушение сделаю.

– Ну если только так... – Родион Леонидович с сомнением оглядел многочисленные папки с документами и неохотно закрыл ноутбук. – Мне собраться надо...

– Во двор выходите, – попросил я и покинул кабинет, оставив ревизора и куратора наедине. А когда спустился с крыльца, меня тут же окликнул кутивший у внедорожника Виталий:

– Товарищ!

Подошел к нему, и парень уточнил:

– Тебя как лучше звать, Льдом или Александром?

– Зови Льдом.

– Понял. Говорят, обедать едем?

– Да, только ревизораждемся. – Я убрал рюкзак на заднее сиденье и, сняв штормовку, остался в одной футболке.

– Ничего по погоде не нашлось? – улыбнулся водитель и выкинул окурок в урну.

– Это обычная джинсовка, только пропитанная чем-то. – Я расправил штормовку, на спине которой серыми нитками было вышито «РЕМЕТЕЕ», и, аккуратно сложив ее, убрал на заднее сиденье. – Да ты и сам...

– Ну так-то да, – согласился со мной Виталий, с усмешкой одергивая свой пиджак. Проглядывавшая из-под него белая футболка и вываренные до серости джинсы в сочетании с черными кожаными туфлями придавали вид парню несколько расхристанный, но водитель – не офисный работник, может себе некоторые вольности позволить.

– А вот и господин Раскольников пожаловал, – кивнул Виталий на появившегося на крыльце ревизора.

– Seriously? – удивился я и помахал Родиону Леонидовичу: – Мы здесь!

– Шучу, Варац он по паспорту, – тихонько рассмеялся парень, забираясь на водительское место. – Куда едем?

– На площадь Ленина. Кинешь там машину где-нибудь на стоянке.

– Возвращаться не будем?

– Было такое пожелание, – подтвердил я и уточнил: – Да, Прокофьев – это кто?

– Борис Федорович-то? Зам по режиму. А что?

– Ничего, просто интересно, – ответил я и предложил подошедшему ко внедорожнику ревизору: – Садитесь вперед, пожалуй.

Родион Леонидович уселся рядом с водителем и устроил на коленях сумку с ноутбуком; я в одиночестве вольготно расположился на заднем сиденье. Виталий направил автомобиль в медленно раскрывшиеся ворота, а когда дворы остались позади, внаглую срезал через две сплошные, перестроился в крайний правый ряд и повернул на проспект Революции.

Ревизор тотчас прилип к окну, да я и сам поглядывал по сторонам не без интереса – в последнее время появлялся в Ямгороде нечасто, и было любопытно оценить, чего тут теперь и как.

Особо, впрочем, изменения в глаза не бросались. Разве что кое-где выросли новые высотки, да еще дороги стали заметно шире, а вот деревьев, наоборот, поубавилось. И автомобилей... Автомобилей оказалось столько, что жалкие три остановки мы тащились никак не меньше пятнадцати минут. По московским меркам, может, и ерунда, а вот в Ямгороде раньше такого безобразия не наблюдалось. Особенно по воскресеньям.

Ладно хоть мы сейчас никуда не торопились...

Проехав площадь Ленина, водитель свернул на боковую улочку и загнал внедорожник на платную стоянку позади высоченного офисного здания.

– Ну все, – обернулся он к нам, – дальше своим ходом.

Мы выбрались из охлажденного кондиционером салона в уличный зной, дождались сходявшего к будке охранника Виталия, и уже все вместе отправились к мощенной тротуарной плиткой пешеходной зоне.

Облицованные стеклом высотки там соседствовали с отреставрированными купеческими особняками и сталинскими многоэтажками, а праздношатающуюся публику развлекали не только доносившиеся из громкоговорителей веселенькие ритмы, но и несколько команд уличных музыкантов. Ну и так, по мелочи: киоски, тир, статуи, скамейки.

– В паб? – догадался вскоре Виталий.

– В паб, – подтвердил я.

– Подождите, какой паб? – всполошился Родион Леонидович. – Мы же просто пообедать собирались! Я вообще пиво не пью!

– В пабе отлично кормят. Закажем бизнес-ланч, – успокоил аудитора водитель, совершенно не смущаясь тем фактом, что сегодня воскресенье. – Да вы не волнуйтесь, туда даже иностранцы ходят.

– Ну тогда ладно, – успокоился ревизор и остановился перед бронзовым нищим, сидевшим на тротуаре перед отделением «Альфа-банка» с выставленной для сбора пожертвований кепкой. – Оригинально, – несколько озадаченно произнес он некоторое время спустя.

– Бывший управляющий не захотел на укладку тротуарной плитки скидываться, вот и поставили в отместку, – то ли в шутку, то ли на полном серьезе просветил нас водитель и указал на зеленый навес: – А вон и паб.

Мы поднялись на летнюю веранду питейного заведения, расположенного на первом этаже жилого дома, и улыбаясь девушка провела нас к свободному столу.

– «Очень мил бывает Кролик иногда, – опускаясь на деревянную скамью, пробормотал я давным-давно услышанный по аналогичному поводу от Напалма стишок. – С ним приятно сесть за столик. Да – да – да!»

Родион Леонидович сделал вид, будто ничего не услышал, и отправился мыть руки. Виталий с усмешкой глянул ему вслед и, снимая пиджак, тихонько пропел:

Официант закажет столик, мы присядем вместе с Толей,
Мы ему заплатим столярник – пусть идет.

– Ну или так, – кивнул я и уставился на футболку водителя: – Слушай, Виталий, ты из протестного электората или это шутка юмора такая?

На футболке черным по белому было напечатано: «Жулик и Вор».

– А, – махнул рукой парень, усаживаясь напротив, – друзья подарили.

– Родион Леонидович такого не одобрит.

– Мне-то что? Мое дело маленькое: рули себе да рули.

– Ну-ну, – хмыкнул я и отвернулся к окну.

Там – деревья, лавочки, статуя городского. Дребезжащие штангами троллейбусы, разномастные маршрутки. Симпатичные девушки и просто прохожие.

Несмотря на зависшее в безоблачном небе солнце, под тентом было прохладно; здесь гулял легкий ветерок, и хотелось не просто пообедать, а посидеть более основательно. Холодное пиво, тихая музыка, неспешная беседа. Для второй половины выходного дня – лучше не придумаешь. Да и в программу буднего вечера такие посиделки вписались бы просто замечательно.

Вот только вернувшийся из туалетной комнаты Родион Леонидович поддерживать светскую беседу не собирался и, сделав заказ, немедленно уткнулся в свой ноутбук.

Я показал Виталию меню и отчертил ногтем строку с «Гиннессом», но парень лишь отрицательно покачал головой. У меня с досады даже возникло желание перебраться за барную стойку. Не попроси об одолжении Владимир Николаевич, точно бы на этих язвенников-трезвенников плюнул.

К счастью, заказа долго ждать не пришлось; правда, ели мы тоже в полной тишине. Виталий поглядывал то на меня, то на ревизора, но никаких попыток завязать разговор не предпринимал, я тоже помалкивал. И лишь когда и с первым и со вторым было покончено, водитель подозвал официантку.

– Девушка, – улыбнулся он, – у вас ведь ирландский паб?

– Ирландский, – подтвердила та.

– А что посоветуете из национальных джестивов?

– Виски...

– Давайте три по пятьдесят «Джеймсона», – заглянул я в меню. – Только двенадцатилетнего...

– Я не буду! – попытался возразить Родион Леонидович, но Виталий его и слушать не стал.

– Для пищеварения, – уверенно заявил он.

– Мне пора возвращаться, – продолжил настаивать на своем ревизор. – Обед заканчивается!

– Сегодня воскресенье, – напомнил я.

– Неважно! Мою работу за меня никто не сделает!

– Хорошо, как скажете. – Виталий взял с подноса подошедшей официантки рюмку, влил в себя виски, крикнул и достал телефон. – Алло, пришлите кого-нибудь на площадь Ленина...

– Стойте! – возмутился Родион Леонидович. – Мы же сюда на вашей машине приехали!

– Я выпил, как теперь за руль садиться? – резонно заметил Виталий. – Да вы, Родион Леонидович, не волнуйтесь, пока нас заберут, все выветрится уже. А на общественном транспорте добираться еще дольше будете.

Ревизор нехотя поднял рюмку, отпил и поморщился, ища, чем бы закусить. Я развернулся и окликнул официантку:

– Девушка, нам бы еще рыбное ассорти и три «Гиннеса»!

– Я не пью пиво! – всполошился ревизор.

– Как в ирландском пабе не выпить «Гиннеса»? – округлил я глаза. – Вы меня удивляете, Родион Леонидович!

– Не надо!

– Не хотите «Гиннес», возьмите «Леффе». Бельгийское монастырское – будете в восторге.

– Мне нельзя пиво!

– А кому можно? Мы же по чуть-чуть, чисто символически!

– Я вам русским языком говорю, – начал выходить из себя ревизор, – мне нельзя пить пиво! Врач запретил! Из-за сосудов.

– Девушка, тогда два «Гиннеса» и сидр. Сидр ведь можно?

– Можно, – сдался Родион Леонидович, – но больше мне ничего не заказывайте!

– А мы и сами больше ничего не будем, – успокоил его Виталий. – Мы же чисто для улучшения пищеварения...

Я опрокинул в себя виски, после сделал пару глотков черного горьковатого стаута и зажмурился от удовольствия. Хорошо!

Температура воздуха градусов под тридцать, организма и того более, а тут – раз и холодное пиво. Разница вроде ерундовая, всего-то градусов в двадцать – двадцать пять, но зато каков эффект! Жить сразу стало лучше и веселей...

Еще раз приложившись к бокалу, я подцепил на вилку ломтик семги, прожевал и кивнул:

– В такую жару с виски точно развезет, увлекаться не стоит.

– Виски надо пить без спешки, с хорошей сигарой, – вздохнул вдруг Родион Леонидович, баюкая в руках рюмку, – а у меня работы непочатый край. У вас такой бардак с отчетностью...

– Не, не, не, – поспешил я пресечь возможные расспросы. – Я по учебной части, с финансами дел не имею.

– А я вообще баранку кручу, – рассмеялся Виталий и взболтал остававшуюся в бокале густую и плотную пивную пену. – Счетную палату ведь списание бензина не интересует?

– Не интересует, – подтвердил ревизор. Он хлебнул виски и задумчиво посмотрел на запотевший стакан с сидром.

Ну, какой нормальный человек в такую жару промочить горло откажется? Работа, как известно, не волк и в лес не убежит. Всегда остается завтра и послезавтра. А сегодня можно и отдохнуть. Тем более сидр – это так, несерьезно. Хоть оборотов в нем, если уж на то пошло, побольше, чем в «Гиннесе»...

Посидели в итоге очень душевно и, пока за нами ехала – о-о-очень медленно ехала – дежурная машина, успели изрядно наклюкаться. По крайней мере, я с Виталием; ревизор из врожденной вредности пил мало.

Да и мы, не могу сказать, что особо этим делом увлекались, просто мешать виски с пивом на такой жаре идея не из удачных. Это в Ирландии климат к подобному злоупотреблению располагает, а вот нас на солнышке мигом развезло...

– Может, на озеро махнем? – выходя на улицу, предложил Виталий, памятуя о том, что ревизору сегодня в НИИ лучше не возвращаться. – У нас такие озера!

– Работать! – не раздумывая, отказался Родион Леонидович. – Работать!

– Воскресенье же!

– У меня задание, мне без разницы воскресенье или понедельник. Мне работу сделать надо!

– Логично. – Я спрятал в карман чек – вот ничего себе мы погуляли! – и, покачнувшись, спустился на тротуар. – Работать так работать.

И, погрузившись в прибывший за нами дежурный автомобиль, мы покатали в институт. Там ревизор сразу убежал по делам; я зевнул и отправился на поиски куратора, Виталий поплелся следом.

Розыски начали с кабинета замдиректора по транспорту, но Шептало там не оказалось. Григорий же Петрович только глянул на нас и сразу попросил секретаршу принести две чашки крепкого кофе.

– Лишним не будет, – не стал отказываться я.

– Пожалуй, – уселся Виталий с другой стороны стоявшего буквой «Т» стола.

Впрочем, спокойно попить кофе не удалось – пару минут спустя в кабинет влетел пребывавший отнюдь не в самом лучшем расположении духа Владимир Николаевич.

– Что за дела?! – с ходу заблажил он. – Вы должны были ревизора напоить, а не сами за казенный счет накачиваться!

– Мы в норме, – и глазом не моргнул Виталий. – Так, Александр?

– Абсолютно, – подтвердил я. – А Родион Леонидович после виски с сидром такого нарабotaет, что потом за два дня не исправит.

– Твоими бы устами...

– Да точно вам говорю! И кстати, Владимир Николаевич, что насчет билета в Сочи? А то, чувствую, стеснять вас начинаю...

– Забудь, – буркнул куратор.

– Чего еще?

– Хьюстон, у нас проблема! – догадался Виталий и тут же уткнулся в чашку, поймав недобрый взгляд начальника.

– У нас действительно... проблема, – вздохнул Шептало.

– Проблемы – это плохо, – рассудительно заметил я. – С другой стороны, проблема у вас...

– Не у вас, а у нас. У всех нас. И у тебя в том числе.

– Да ну фиг! Только не говорите, что ваши теоретики с моими выводами не согласились.

– Наоборот! Согласились и уже их подтвердили. В этом – то все и дело, – прошелся по кабинету Владимир Николаевич. – Мы подняли результаты замеров, Алена Евгеньевна свела их в единую энергетическую карту и...

– Что – и? – в предчувствии неладного насторожился я.

– ...и оказалось, что аномалии отмечены почти во всех районах города...

– Какими последствиями это может быть чревато? – уточнил Грачев, для которого подобное известие стало полной неожиданностью.

– Пока непонятно.

Куратор разложил на столе цветную карту города формата А3; Грачев немедленно впился в нее взглядом, я встал сбоку и попытался разобраться в редких пятнах зеленого, синего и

желтого цветов. Потом обратил внимание на протянувшийся от реки до здания госуниверситета красный овал и начал кое-что понимать.

– Здесь замеры не производились? – постучал Григорий Петрович по нераскрашенному пространству.

– Где-то проводились, где-то нет.

– А что за расцветка? – уточнил я.

– Зеленое, синее и желтое – места предположительных аномалий в зависимости от интенсивности помех, – пояснил Владимир Николаевич. – Красным отмечен обнаруженный утром сверток.

– Этого еще не хватало, – тяжело вздохнул Грачев. – Как же не вовремя!

– И не говорите, Григорий Петрович, и не говорите, – кивнул Шептало и потянул карту к себе.

Я немедленно прижал лист ладонью и попытался уловить в расположении пятен хоть какую-нибудь закономерность, но нет, никакой системы не было – будто остатки кофе из кружки выплеснули.

– Вы бы заглушили пока портал, – на всякий случай предложил я, – а то так и в Приграничье провалиться недолго.

Большие начальники обменялись кислыми взглядами.

– Сейчас нет никакой возможности перевести установку в спящий режим, – покачал головой замдиректора института.

– Пока у нас не будет полной картины происходящего, от резких движений лучше воздержаться, – поддержал его куратор.

– И откуда эта полная картина возьмется? – хмыкнул я и допил кофе.

– А вот ты нам с этим и поможешь. – Шептало выдернул у меня карту и убрал ее в папку. – Пройдешься по городу, промеришь эти свои свертки на предмет остаточного уровня магического излучения.

– Хрена! – отказался я. – Глушите установку, я в смертники не вербовался! Если в сверток энергия хлынет, пока там находится буду, точно передозировку схвачу.

– Установку мы глушить не будем! – безапелляционно заявил Григорий Петрович.

– А с чего это такой аврал? – удивился я и гаденько улыбнулся: – А! Так вы руку в закрома Родины запустили! Ай-ай-ай, как нехорошо! И что, сильно вас Счетная палата прижала? Не получится откупиться?

– По-твоему, нам средства на развитие Приграничья отдельной строкой в бюджете выделялись? Так, по-твоему? – вспыхнул Владимир Николаевич. – Да, формально мы использовали финансирование не по целевому назначению, но ведь не в оффшоры же деньги вывели!

– Ну, – откинулся Грачев на спинку стула, – формально деньги ушли как раз в оффшоры... и теоретически это можно отследить. А вот их возврат отследить не получится даже теоретически.

– И много вы так прокрутили?

– Достаточно, чтобы кое у кого не выдержали нервы, – поморщился Шептало. – А у нас сроки горят! Не успеем отгрузиться, считай, все усилия псу под хвост. И за это уже точно по головке не погладят. Сам понимать должен, не маленький.

– Неужели прямо круглосуточно работаете? – задумался я, ища выход из патовой ситуации.

– Нет, конечно! – опроверг это предположение Григорий Петрович. – Самое большее часа три-четыре в сутки установку задействовать получается. В основном ночью.

– Мне нужен график на ближайшие дни. Заикнетесь о секретности, сами по сверткам лезьте.

– Это можно устроить, – решил Грачев. – Так, Владимир Николаевич?

- Думаю, не проблема.
- И карту дайте.
- Сначала определим районы, которыми займешься в первую очередь.
- Темните вы что-то... – вздохнул я и не удержался от того, чтобы не залезть начальству под шкуру: – А как дальше жить собираетесь? Даже если сейчас выкрутитесь, рано или поздно выведут вас на чистую воду. Ох, выведут...
- Мы прорабатываем вопрос финансирования из внебюджетных источников, – с важным видом произнес Грачев.
- Это как?
- Не о том думаешь, – одернул меня Шептало. – Что тебе понадобится для работы?
- Жилье, оружие, транспорт. Алексея Шарова из Сочи выдерните, нечего ему там пузо греть.
- Еще только уголовного твоего здесь не хватало! – возмутился куратор. – Нечего ему в городе делать. Опять сцепится с кем-нибудь в самый неподходящий момент.
- А как тогда...
- Виталия в подмогу бери. Он на колесах, с транспортом проблем не будет.
- Я глянул на тихонько сидевшего в уголке водителя и кивнул.
- Хорошо. А с остальным что?
- Заселишься на служебную квартиру. Оружие и оборудование будешь получать непосредственно перед выходом. Устроит?
- Не-а. Табельный пистолет для постоянного ношения меня больше устроит.
- Зачем? – поморщился Владимир Николаевич. – Зачем тебе пистолет?
- Чтобы был, – прямо заявил я. – В чем проблема-то? У меня ведь есть...
- Это у тебя по месту постоянной дислокации есть, – вздохнул Шептало. – А здесь либо перед выходом на задание получаешь, либо официально через замдиректора по режиму. Но сразу предупреждаю – это та еще тягомотина.
- Ничего страшного.
- Слушай, Лед, сейчас такая запарка с ревизией, даже поручить заниматься этим некому. Ты здесь дня на три, смысл вообще возиться?
- Ладно, уговорили, – без особо энтузиазма согласился я с такими доводами.
- И все же совсем без оружия оставаться не хотелось. Ножи, конечно, выбор мастеров, да только дробовик в сейфе вкупе с железной дверью как ничто другое спокойному сну способствует. И потому после недолгих раздумий я уточнил:
- Вы за моей одеждой и обувью, надеюсь, отправите кого-нибудь?
- Следующий рейс завтра утром будет. Только список составь заранее. Лучше прямо сейчас.
- Пусть тогда и оружие с патронами из сейфа прихватят. Ключ у коменданта. Разрешение на охотничье оружие ведь на всей территории нашей необъятной Родины действует?
- Куратор с сомнением поглядел на меня, тяжело вздохнул и решил пойти навстречу:
- Хорошо, распоряжусь.
- Вот и замечательно, – улыбнулся я и, собрав в кучу непослушные мысли, быстренько накидал перечень. После поднялся на ноги и уточнил: – Надеюсь, сейчас свободен? Или еще чем-нибудь неотложным озадачить собираетесь?
- Да нет, иди, – разрешил Владимир Николаевич. – Мы завтра с утра маршрут подготовим, во второй половине дня к работе приступишь. Чем быстрее справишься, тем быстрее в Сочи улетишь.
- А куда идти-то? Что с квартирой?
- Виталий все организует.

Я вслед за водителем – водителем? ага, как же! – вышел из кабинета, а в коридоре парень неожиданно спросил:

– Какие планы на сегодня?

– Вообще-то заселиться неплохо было бы, – ответил я, добавив в голос сарказма.

– Собираешься в пустой квартире куковать?

– Есть предложения получше?

– Еще спрашиваешь! – подмигнул Виталий и потащил меня за собой. – Идем!

– А квартира?

– Никуда от тебя квартира не денется! Предлагаю для начала приятное с небесполезным совместить.

– Это как?

Мы спустились на первый этаж, и, отперев неприметную дверь, водитель пропустил меня в какую-то каморку.

– Держи, – порывшись в верхнем ящике, выложил он на стол связку ключей. – Пионеров-героев, дом шесть, квартира семь. Это во дворах на пересечении с проспектом Девятого Мая. Найдешь?

– Найду, – кивнул я, пытаюсь соотнести адрес с цветовой разметкой на карте Шептало. По всему выходило, что поселили меня аккурат посреди зеленого пятна. Простое совпадение? Очень сомневаюсь. Нашли, блин, подопытную крысу... – Так ты чего хотел-то?

– Сегодня энергетический отдел ведет ревизоров в ресторан. Предлагаю упасть к ним на хвост.

– Реабилитироваться перед руководством думаешь?

– Развлечься за казенный счет скорее. Ты как?

– Да можно в принципе. А что за публика будет?

– Хорошая публика, тебе понравится. – Виталий вытащил из ящика бутылку армянского коньяка и коробку шоколадных конфет. – Чего ты лыбишься? Это эн зэ.

– Да понятно, чего там, – ухмыльнулся я. – Всем бы такой эн зэ...

– Так ты идешь?

Я задумался, взвешивая в уме за и против. Скучать в пустой квартире или весело провести время? Приступить завтра к работе с больной головой или нормально выспаться? Вопрос.

С другой стороны – у меня вроде как отпуск сейчас. Да и пить необязательно. Просто развеяться...

– Идем, с девчонками познакомлю...

И это решило дело. Это да еще выпитые за обедом сто грамм виски и три кружки пива. Короче, бес попутал...

– Ладно, гуляем. Только давай телефонами обменяемся, раз уж ты меня возить будешь.

– Давай.

Обновив телефонную книгу, я вышел в коридор; Виталий запер дверь и нагнал меня, непонятно зачем прикрывая бутылку полый пиджака.

– Ты чего шифруешься? – удивился я.

– Прокофьев с выпивкой застывает, все мозги вынесет.

– Этот колобок?

– Он же мент бывший, только дай погундеть. Еще и докладную накатает, отписывайся потом.

– Смотрю, у вас все серьезно.

– И не говори, – усмехнулся Виталий, остановившись у двери с табличкой «Начальник отдела энергоэффективности и перспективных источников энергии», из-за которой слышался веселый гомон голосов.

Парень замылся, и только тут я начал соображать, что к чему.

– Могут послать, думаешь?

– Не без этого.

– Нужен ход конем, – задумался я. – А вот и конь... – и указал на шествовавшего в уборную Родиона Леонидовича:

Виталий резко сорвался с места и перегородил дорогу уже собиравшемуся скрыться в туалете ревизору:

– Родион Леонидович, выручайте!

– Что опять у вас? – обреченно вздохнул проверяющий и, заметив бутылку коньяка, сразу предупредил: – Третьим не буду.

– И не надо, – обаятельно улыбнулся водитель. – Мы хотим вас в качестве троянского коня использовать.

– Это как? – захопал глазами ревизор.

– Наши для ваших небольшой сабантуй устраивают, нет желания присоединиться?

– Категорически – нет!

– А на пять минут всего? Чтоб мы незваными гостями не заявлялись. Вы ж в курсе, как про незваных гостей говорят. Выручайте! Можете даже не пить...

– Ладно, – сдался Родион Леонидович, которого явно подвела врожденная интеллигентность. – А теперь позвольте...

Виталий отступил в сторону, и аудитор скрылся в туалете.

– Полдела сделано, – понизил он голос и тут же выругался: – Вот ведь! Принесла нелегкая...

Я обернулся и увидел грузно шагнувшего по коридору замдиректора по режиму.

– Так, так, так, – радушно улыбаясь, подошел к нам Прокофьев и вытер платочком покрытую бисеринками пота толстую шею. – И чем объясняется столь вопиющее нарушение режима?

– Да мы так, Борис Федорович, – неопределенно помахал рукой Виталий и перестал прятать бутылку. – Ничего, в общем-то...

– Ничего? А между тем появление на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения в соответствии со статьей восемьдесят один Трудового кодекса Российской Федерации является основанием для немедленного увольнения...

– Так то на рабочем месте! – поспешил я взять инициативу в свои руки. – Но сегодня воскресенье, нерабочий день. Плюс я в отпуске и очень сомневаюсь, что на Виталия оформлен приказ о выводе его на работу в выходные.

– Не оформлен, – подтвердил водитель.

– Вот видите! Кроме того, если уж на то пошло, распитие спиртных напитков связано с прямым распоряжением руководства наладить отношения с сотрудниками Счетной палаты...

– Вы Леднев, да? – мрачно уставился на меня толстяк. – У нас объект режимный, вам необходимо пройти вступительный инструктаж и ознакомиться с правилами техники безопасности...

– Так я уже. У себя...

– Вы сейчас не у себя, – отрезал заместитель директора по режиму. – Жду вас завтра с десяти до одиннадцати.

– Договорились, – решил я не обострять ситуацию.

– И если, как в прошлый раз, сломаете дверь в туалет, – нахмурился Борис Федорович, – из зарплаты вычту!

– Это не мы! – начал было отпираться Виталий, но тут смолкло жужжание сушилки для рук, и к нам присоединился Родион Леонидович, которого при виде Прокофьева откровенно перекосило.

– Вы не передумали? – сразу заторопился ревизор. – У меня мало времени!

– Разумеется, Родион Леонидович, разумеется! – зачастил водитель. – Огромное спасибо, что вошли в положение...

Распрощавшись с Прокофьевым, мы отправились в кабинет Зиминой, но там нашему появлению никто почему-то не обрадовался. Наоборот, будто невидимый рубильник выключили, – смех и разговоры в один миг смолкли, а кто-то из ревизоров и вовсе попытался вскочить на ноги.

– Сидите, сидите, – поспешил успокоить коллег Родион Леонидович. – Решил вот на минутку к вам заглянуть, от работы отвлечься.

– Располагайтесь! – заулыбалась Алена Евгеньевна. – Ребята, несите кружки и стаканы!

– Да я на минутку, – попытался отказаться ревизор, но Виталий сноровисто откупорил бутылку и принялся разливать коньяк.

– За знакомство, по пять капель! – объявил водитель.

Родион Леонидович с укоризной глянул на него, придвинул к себе тарелку и поднял стакан. Прочистил горло и натянуто улыбнулся:

– За знакомство!

Все выпили; я тоже. Долькой дыни перебил вкус не шибко качественного коньяка и огляделся. В довольно-таки небольшой кабинет набилось, не считая нас, девять человек – на пятиреш научных сотрудников приходилось четверо проверяющих Счетной палаты.

Виталий сразу разлил по новой, мы вновь выпили, и в голове приятно зашумело. Замечательно, просто замечательно. Теперь самое сложное и не напиться, и в нужной кондиции себя до конца застолья поддерживать.

Я взял из блюда с фруктами персик, мельком глянул на единственную подчиненную Алены Евгеньевны и решил при первой же возможности серьезно поговорить с Виталием.

С девушками он меня познакомить собирался, гад! Мне ж столько не выпить!

Хотя такими темпами, как этот нехороший человек наливает...

На этот раз я лишь слегка пригубил и отставил рюмку в сторону.

Надо повременить. А то так недолго и под столом оказаться: все же пшеничные и виноградные спирты друг с другом плохо сочетаются.

Понемногу я перезнакомился с соседями и так увлекся разговором, что и не заметил, как Родион Леонидович дезертировал из кабинета. Виталию тоже было не до него: он подливал коньяк Зиминой; и видимо, хорошо подливал, поскольку Алена Евгеньевна вскоре встала и объявила:

– А теперь в ресторан!

Я опрокинул в себя рюмку, закинул в рот пару виноградин и без особого энтузиазма поднялся на ноги. Ну какой может быть ресторан? Домой пора, завтра работать.

– Виталий обеспечивает нас транспортом!

Лучше б он меня транспортом обеспечил. Придется такси вызывать.

Все загалдели и начали выбираться из-за стола.

– Собираемся во дворе! – громогласно оповестил всех Виталий. – Пять минут на сборы!

– Александр! – окликнула меня Зиминая. – Вы с нами?

– Нет, не думаю, – отказался я. – Пора и честь знать.

– Бросьте, еще и семи нет!

Я только покачал головой. Терпеть не могу с похмелья работать. Да и меру надо знать. Знать надо меру, меру надо знать...

– Алена Евгеньевна! – Дверь вдруг распахнулась, и в кабинет влетела симпатичная девчонка лет двадцати. – Я отчет завизировала и в приемную директора на подпись отнесла!

– О, Кристиночка! – обрадовался Виталий. – А вот мы тебе штрафную!

– Ой, да мне еще доклад готовить...

– Доклад до завтра подождет, – и не подумал отстать парень. – Сегодня воскресенье или нет?

– Подождет, подождет, – подтвердила Алена Евгеньевна и вновь спросила: – Может, Александр, все же с нами поедете?

– А вы куда? – уточнил я, рассматривая Кристину.

Темные волосы, аккуратный вздернутый носик, зеленые глаза. Приятное лицо и более того – лицо, вне всякого сомнения, знакомое. Но откуда?

Точно! – меня будто шилом в спину ткнули. Эта Кристина как две капли воды походила на девчонку, сидевшую в выпускном классе на соседней парте! Только у моей одноклассницы не было столь выдающихся размеров бюста. Да и сейчас, подозреваю, нет. Такие вообще нечасто встречаются...

– В «Хошимин», – перехватив мой взгляд на подчиненную, ответила Зимина, – это вьетнамский ресторан...

– Вьетнамский? Ни разу не заглядывал. Все как-то повода не было...

– А теперь есть! – обрадовалась Алена Евгеньевна. – Ну едем?

– Едем, – согласился я.

Кристина тоже перестала ломаться и приняла от Виталия наполненную коньяком рюмку; я оценил ее обтянутую джинсовым сарафаном фигурку и вдруг подумал, что отзыв из отпуска не такая уж неприятная вещь. Во всем надо уметь видеть светлые стороны...

Вьетнамский ресторан оказался очень даже неплох. Особенно беседки на улице. Все лучше на свежем воздухе гулять, чем в залах с кондиционерами простывать. А тут и площадка для танцев и фонтанчик. Да и нежарко совсем.

И надо сказать, заведение не пустовало: несмотря на вечер воскресенья, большинство столиков были заняты, кого-то с чем-то поздравляли, слышался заливистый девичий смех. Весело было, короче...

Пока остальные разбирались в экзотических наименованиях еще более экзотических блюд, я решил не выделяться и заказал себе тушеную говядину, благодаря чему и получил возможность перекусить до того, как остальным только-только начали подносить салаты.

Тушеную говядину с гарниром из жареной картошки выставили на горячей чугунной тарелке – или все же сковородке? – и на вкус мясо ничуть не отличалось от обычного гуляша, заказанного в любом другом ресторане с традиционной кухней. Вкусно – да, но в целом еда как еда.

Я мысленно поздравил себя с правильным выбором, и тут Виталий налил мне водки.

– Э-э-э, нет, – отказался я. – Мешать не буду.

– Ой, да перестаньте! – рассмеялась Кристина. – Для настроения!

– Для настроения, – подтвердила Алена Евгеньевна, остановившая свой выбор на пиве.

Со всех сторон послышались призывы немедленно накатить, и стало ясно, что отвертеться от выпивки не получится при всем желании. Все бы ничего, да только, учитывая количество уже принятого на грудь алкоголя, ничем хорошим продолжение банкета закончиться не могло. Надерусь, как пить дать, надерусь...

– А что вы это такое заказали, Алена Евгеньевна? – поинтересовался я, прекрасно понимая, что кушать водку никак нельзя.

– Пиво. Нефильтрованное.

– Вот и я пива выпью.

– На коньяк? – удивился Виталий. – Может, лучше не понижать градус?

– Ничего, ничего, – отмахнулся я, рассчитывая просидеть весь вечер с одним бокалом. Пиво не водка, до дна никто пить не заставит.

– А я тогда тоже пиво буду! – решила присоединиться к нашей компании Кристина.

– Ну вы даете, – только и вздохнул Виталий.

Пока несли пиво, я успел спокойно доестъ тушеную говядину, обсудить шансы нашей сборной по футболу и отбить несколько попыток всучить мне рюмку с беленькой. К счастью, до «ты меня уважаешь?» дело пока не дошло, но, когда на стол выставили высокий запотевший бокал, я даже обрадовался. А то достали – сил нет.

Отсалютовав изрядно поднабравшейся компании пивом, я сделал пару глотков и удовлетворенно кивнул. Пусть и светлое, но очень даже ничего. Честно говоря, нефilterованное пшеничное мне как раз больше светлое нравится. Так что в масть.

Откинувшись на спинку стула, я глянул поверх бокала на Кристину и вздохнул. Хороша, зараза.

– Пойдемте, покурим! – предложил вдруг один из научных сотрудников.

– Курите здесь, – попыталась остановить его Алена Евгеньевна. – Здесь же можно!

– Мы лучше на свежем воздухе. – И парни потянулись на выход.

Зими́на глянула им вслед и хмыкнула:

– Ну все ясно.

– Чего там? – обернулся Виталий.

– Бухгалтерия гуляет.

И в самом деле – под веселую мелодию на танцполе прыгали исключительно девушки и тетеньки, а поскольку их возраст колебался от двадцати до сорока, то объединить столь разношерстную компанию могла лишь совместная работа. Например, в той самой бухгалтерии какого-нибудь крупного предприятия или госучреждения.

– А ну и пусть их! – махнул рукой водитель.

Я на пустом краю стола оставаться не стал и пересел к ним поближе. Бокал с пивом сам собой опустел, но Виталий немедленно раздобыл где-то еще один. Какое-то время мы трепались о всякой ерунде, потом я не выдержал и потащил Кристину танцевать, если притирку друг к другу под медленную мелодию можно было так назвать...

Пиво, танцы, разговоры. Пиво, танцы... хорошо.

Но хорошо ли?

Сознание прояснилось как-то вдруг. Вероятно, слишком увлекся обществом Кристины и позабыл про пиво, вот и отпустило немного. Бывает.

Я умылся в фонтанчике, уселся на его каменное ограждение и попытался собраться с мыслями.

Что ты тут делаешь? Что?! Оно тебе надо? Иди спать! Тебе работать завтра!

Пошатываясь и не всегда вписываясь в дверные проемы, я добрал до туалета, сунул лысину под струю холодной воды и постоял, дожидаясь, пока хоть немного отпустит алкогольный дурман. После вернулся в беседку и толкнул Виталия, сидевшего там в компании Алены Евгеньевны.

– По-о... шли.

– Ты чего? – удивился парень.

– Я все.

– Давай такси вызову?

– Какое та-а... кси? Ты чего? Нам работать за-а... завтра! Спа-а... ть!

– Давай на посошок, и пойдем, – предложил Виталий. – Да ты пей, пей, хоть икать перестанешь!

Покачнувшись, я оглядел пустую беседку и спросил:

– А Кристина где?

– Пошла носик припудрить, – натянуто улыбнулась Зими́на.

– По последнему тогда, – решил я, тяжело плюхнулся на стул и, чокнувшись с Виталием, приложился к бокалу с пивом, да так что оно холодной струйкой потекло по шее.

Зря. Однозначно – зря...

Щелк, и дальше – сплошной калейдоскоп.

Медленный танец уже с Аленой Евгеньевной, борьба на руках с Виталием, водка на брудершафт не пойми с кем. Мерзкий вкус табака во рту – нет, ну курить-то зачем было?! – зажатая в угол Кристина и поцелуи всасос. Сводящая с ума близость девичьего тела и снова – водка...

А потом и эти проблески окончательно погасли, и включился автопилот. Должен был включиться. Надеюсь...

Глава 2

Казалось бы – нет ничего хуже, чем проснуться после пьянки, ничего не помня наутро. Мало того, что всего с похмелья колотит, так еще и в памяти сплошная черная дыра. Но на деле, когда просыпаешься в таком состоянии дома, вроде как все и в порядке. Тревожит, конечно, что приятели или коллеги о вчерашнем поведают, зато есть возможность отлежаться, принять душ, выпить чашечку кофе...

А вот когда разлепляешь веки и не понимаешь, где находишься, – это напрягает. Seriously так напрягает, хуже только в трезвяке очнуться. Ну или вообще не очнуться; не раз и не два такое наблюдал.

Так что в какой-то степени мне даже повезло. Пусть и не помню ни черта, но лежу на кровати и даже простынкой укрыт.

Вопрос лишь в том: где именно я лежу, укрытый простынкой, и каким образом здесь очутился.

И вроде достаточно просто развернуться от стенки и оглядеться, но шевелиться как раз и не хотелось. Оторву затылок от подушки, и тлеющие в голове угли немедленно полыхнут пламенем, имя которому боль. А если вдобавок рядом окажется не та, за которой вчера весь вечер ухлестывал, так и вовсе караул.

Впрочем, и так – караул! Башка трещит, живот крутит, глотка пересохла, ломает всего опять же не по-детски.

Ощущения, надо сказать, хоть и привычные, но в целом изрядно подзабытые. Сразу даже не припомню, когда последний раз с похмелья маялся. И продукт качественный старался употреблять, и меру знал. Да и покрепче стал; это в Приграничье скелет скелетом был, а на казенном довольствии килограммов десять – пятнадцать точно прибавил. И не жирком заплыл, а мышцей оброс. Поллитру под хорошую закуску уговорить – как нечего делать. А тут намешал, блин...

Но медлить дальше особого резона не было, поэтому, собравшись с духом, я откинул простынку – трусы на мне, что уже радует, – и осторожно уселся на узенькой кровати, втиснутой на чуть менее узкий балкон. Через открытую дверь заглянул в комнату – а там, стоя у зеркальной дверцы шкафа, накладывала макияж Алена Евгеньевна.

Зими́на?! Очень интересно...

– Доброе утро, – несколько пришибленно пробормотал я.

– Проснулся? – Девушка убрала тушь в косметичку и обернулась: – Собирайся, на работу опаздываем.

Я медленно поднялся на ноги, и в темечко словно раскаленный штырь вбили, накатила тошнота, в глазах посерело. Пришлось пережить головкружение, сглатывать слюну и только тогда уже спрашивать:

– Можно нескромный вопрос? Почему я здесь?

– Ну ты сам на балконе спать решил. Воздуха тебе не хватало.

– О! – только и выдавил я из себя в ответ на столь двусмысленную фразу. Диван-то в комнате был один. – А вообще как у тебя оказался?

– Не помнишь ничего? – догадалась Зими́на.

– Не-а, – сознался я, не без интереса поглядывая на ее едва прикрытые коротеньким халатиком ноги.

Ноги стройные и загорелые...

Стоп! Куда-то меня не туда понесло.

– Пришлось тебя к себе забрать, – улыбнулась Алена Евгеньевна. – Не бросать же на произвол судьбы было.

– А чего домой на такси не отправила?

– А ты адрес помнил?

– Это вряд ли. – Я шагнул в комнату и вновь поморщился от головной боли. – А Виталий?

– Он и сам лыка не вязал. Алкоголики.

– Зато ревизоров споили.

– Только это вас и оправдывает.

Я сдернул со спинки стула свои джинсы, неосмотрительно нагнулся за свалившейся на пол футболкой и сразу почувствовал, что со столь интенсивной физической деятельностью несколько поторопился.

– В туалет, – пояснил и выскочил в коридор.

Распахнул одну дверь – ванна и умывальник, другую – унитаз; ну здравствуй, дружок...

Когда немного очухался, то перебрался в ванную, прополоскал рот и принялся одеваться.

– Кофе будешь? – заглянула ко мне хозяйка квартиры, успевшая за это время сменить халат на юбку и блузку.

– Алена Евгеньевна, а вы цитрамоном не богаты?

– Алена Евгеньевна? – фыркнула Зиминая. – Значит, и как на брудершафт пили, не помнишь?

– Алена, – простонал я, усевшись на табурет и стиснув голову ладонями, – цитрамон! Пожалуйста!

– Сейчас принесу.

Девушка ушла в комнату и вскоре вернулась с блистером цитрамона и бутылочкой минералки.

– Держи, страдалец.

Я выщелкнул таблетку, положил ее в чайную ложку и раздавил другой. Закинул в рот горькое крошево и смыл неприятный вкус парой глотков воды.

– Что на брудершафт пил – помню. С кем – нет.

– Ты в курсе, что провалы в памяти это очень тревожный звоночек?

– Признак алкоголизма? – вздохнул я. – Так я и без всяких звоночков знаю, что мне пить нельзя.

– Вот и не пил бы.

– Я и не собирался. И даже пару раз уйти хотел, если помнишь.

– Плохо собирался.

– Возможно, – не стал спорить я. – Кстати, по поводу провалов: почему именно ты меня к себе забрала? Там же куча народа была.

– А если подумать?

– Думать больно.

– Обувайся, выходить пора, – глянув на часы, заторопилась хозяйка квартиры. – Реально вариантов было два: или тебя забираю я, или ты ночуешь у Кристины, чего мне, по понятным причинам, очень не хотелось.

– Это по каким еще таким причинам? – спросил я, отправившись на поиски носков.

– Она очень хорошая девочка, и у нее есть очень хороший мальчик.

– А я, получается, сильно плохо себя вел?

– Нормально ты себя вел. Но Кристине служебный роман точно не нужен.

Проверив содержимое карманов, я уселся на пуфик и, часто-часто задышал, собираясь с силами, прежде чем нагнуться и обуться. Потом спросил:

– Насчет мальчика информация точная?

– Ее жених раньше работал у меня в отделе. Сейчас он пишет докторскую диссертацию. Так что оставь их в покое.

– Оставлю, какие проблемы, – вздохнул я и признался: – Просто Кристина на одноклассницу мою бывшую как две капли воды похожа, вот и все.

– Первая любовь? – удивилась Алена, собирая сумку. – Кто бы мог подумать, что ты такой романтик!

– Да прям, романтик! – поморщился я, поднимаясь на ноги.

– Выходи, сигнализацию включу.

– Хорошо.

Я шагнул за порог и обессиленно прислонился к стене – самочувствие оставляло желать лучшего. Пусть головная боль и поутихла, но любое резкое движение отзывалось ломотой в затылке и за глазами. А стоило только начать массировать виски, как распахнулась дверь напротив, и на лестничную клетку вышел крепкий мужик в футболке и шортах. Оценив глянцевую сторону, он достал из барсетки пачку сигарет, чиркнул зажигалкой и вызвал лифт. Все бы ничего, но тут в подъезд вышла Зимина.

– А можно здесь не курить? – раздраженно попросила она.

– Нет, – коротко бросил в ответ мужик.

Я подумал было отлипнуть от стены и сделать невежливое внушение, но прикинул возможное развитие беседы и остался на месте. Словами такого жлоба не переубедить, а когда решаешь вопрос кулаками, обычно проблемы только множатся. Да и неохота резкие телодвижения совершать.

– А почему я вашим дымом дышать должна?! – возмутилась девушка.

– Пешком иди. – Мужик шагнул в кабину и створки сразу начали закрываться.

– Урод! – выругалась Зимина. – На улице покурить не может!

Я поймал ее раздосадованный взгляд – мол, а ты чего стоял? – подошел к лифту и, уперев пальцы, с натугой раздвинул створки. Гул мотора тотчас стих, а вставленная в щель пятирублевая монета заблокировала двери окончательно.

– Как так? – удивилась Зимина.

– Ловкость рук и никакого мошенничества, – усмехнулся я. В детстве так частенько развлекались. Повезло, что автоматику лифта до сих пор на современную не заменили. – Ну идем?

– А с ним что будет?

– Ничего с ним не будет. Посидит полчасика в тишине, о своем поведении подумает.

– Не надо.

Я выдернул монету – лифт вновь загудел, – и потянул девушку к лестнице:

– Пошли, меня от табачного дыма вывернет. – А когда спустились на первый этаж, уточнил: – Ты на машине?

– Зачем? Здесь идти пять минут от силы.

– Понятно. – Я придержал подъездную дверь и выпустил Алену во двор. – А вот скажи, ты о Кристине заботаешься, а у самой проблем не будет?

– У меня? – удивилась Зимина и покрутила охватывавшее загорелый палец обручальное кольцо. – Нет, не будет.

– Точно?

– Мы не живем вместе. Просто не разводимся, потому что так удобней.

– Как скажешь. – Лезть в чужую жизнь не хотелось.

– Ты идешь? – поторопила меня Алена.

– Нет, пожалуй, – покачал я головой. – Мне с утра в институте делать нечего. Пусть Виталий на квартиру заедет, как с маршрутом определитесь.

– Хорошо, передам Владимиру Николаевичу. – Зимина чмокнула меня в щеку и зашагала к проспекту Революции. – Увидимся!

– Увидимся!

Полюбовавшись стройной девичьей фигуркой, я зашел в пристроенный к дому магазин сети «Бульвар», и не успели еще стеклянные двери бесшумно закрыться за спиной, как по спине и ногам потянуло ледяной свежестью. Будто где-то поблизости окно в Приграничье распахнулось...

Что? Прямо здесь?!

Я стремительно крутнулся на месте и только тогда сообразил, что всполошился из-за банального кондиционера. Сильно дует, зараза...

Посмеиваясь над собой, я побродил меж рядов с минералкой и соками, неожиданно понял, что ничего этого не хочу, и отправился на поиски холодильника с молочными продуктами. Там взял пару бутылочек «Актуали», расплатился за них на кассе и без какой-либо спешки зашагал вдоль улицы. На ходу свернул пробку, хлебнул смеси сока и молочной сыворотки, и по телу немедленно заструилась живительная прохлада.

То, что доктор прописал!

Опустевшая бутылочка отправилась в урну; вторая порция закрепила результат, и мир вновь начал расцветать яркими красками.

Ненавижу похмелье. Просто ненавижу.

Я глянул на часы – половина девятого, – вспомнил про требование Прокофьева зайти к нему с утра и только рукой махнул. Перебьется. С безопасниками, конечно, лучше не ссориться, но – перебьется. Не до него сейчас.

Вчера так замечательно в бубен дал, что могу и до обеда не оклематься. Мне бы полежать сейчас, а не бумажной волокитой заниматься.

Впереди показался остановочный комплекс, но при одной лишь мысли о поездке в переполненном общественном транспорте к горлу вновь подкатила тошнота. Все толкаются, воняют, дышать нечем – не хочу.

Пройдусь пару остановок для начала, а там видно будет.

И я пошел. На следующем перекрестке вспомнил о мобильнике и полез проверить пропущенные вызовы, но таковых, к моему облегчению, не оказалось. А потом как-то враз накатило ощущение смутно знакомой неправильности.

Что-то было не так. Не здесь, не на дороге, но где-то совсем рядом.

Очередной сверток? Похоже на то.

Уйдя с проезжей части на тротуар, я внимательно огляделся, но не почувствовал ничего необычного. Лишь тянуло по ногам неестественной стылостью, словно неподалеку была распахнута дверь в ад. Не в наш – огненный, с чертями и кипящей смолой, а в ледяную преисподнюю Нифльхейма.

Но не дверь конечно же, нет. И даже не «окно». Просто сочилась откуда-то магическая энергия, а вот откуда – так сразу и не разобрать.

Я перешел через Карла Маркса, побродил там и вскоре остановился перед аркой, от которой по запущенному парку шла к Центральному стадиону заасфальтированная аллея. Вроде все как всегда, но, несмотря на ясную погоду, среди деревьев колебалось легкое туманное марево, и казалось, вот-вот пойдет дождь.

Сверток? Сверток.

И что делать?

Любопытство подталкивало вперед, усиленный похмельной маетой инстинкт самосохранения советовал на рожон не лезть. В итоге решил не торопить события и для начала набрать куратора.

– Здравсте, Владимир Николаевич! Я сейчас на перекрестке...

– Я прекрасно знаю, где ты! – раздраженно буркнул Шептало. – И меня очень интересует, почему ты там, а не здесь?

– Вы ничего не попу... – Я вовремя прикусил язык и напомнил: – Сами же сказали после обеда подходить!

– Ладно, чего тогда звонишь? – сменил Шептало гнев на милость, припомнив вчерашний разговор.

– Мне нужен график. Прямо сейчас. Киньте на телефон.

– Хорошо. Что-то еще?

– Говорите, знаете, где я? Это как? Наружку приставили, что ли?

– Модуль джи-пи-эс в телефоне отслеживаем.

– А! Ну тогда ладно.

Я отключился и отвернулся от поднявшегося над крышами домов солнца. Небо было чистое-чистое, голубое-голубое, только ближе к центру над городом серой дымкой расплылся смог. Днем, похоже, совсем дышать нечем будет.

Экология, блин. Спасибо тебе, комбинат, за сернистый ангидрид! Как бы мы без него жили, в самом-то деле...

Тут телефон пискнул, оповещая о новом сообщении, я внимательно изучил график работы портала и сверился с наручными часами. Предыдущий сеанс завершился десять минут назад – не иначе, его отголосок я и почувствовал, – и теперь на установке до полудня будут идти профилактические работы.

Времени полно, но только вот стоит ли лезть в сверток без оружия?

Без оружия! – я аж фыркнул от возмущения.

«Макаров» – это так, больше для самоуспокоения. Если на оборотня нарвусь, одна надежда, что удрать успею.

Да и нарвусь ли? Как по мне, так шансы встретить в свертках живое существо просто мизерные. Неоткуда ему там взяться. Главное – в город выбраться, прежде чем установку запустят.

Я сунул мобильник в задний карман джинсов и вплотную подступил к арке. Почувствовал непонятное сопротивление, немного поколебался и все же шагнул в клубившуюся под ногами туманную пелену.

Шагнул в туманную пелену – а ступил напрямик в лужу. Матерчатый верх кед моментально промок, и я как ошпаренный выскочил на сухое место.

Откуда лужа взялась? Засуха же!

Еще и желтые листья на поверхности воды плавают...

Да здесь осень!

Точно осень: пасмурно; с затянутого серыми облаками неба сыплется мелкий дождик, пронзительный ветерок раскачивает ветви не успевших толком облететь деревьев.

Я с сожалением вспомнил об оставленной в институтском внедорожнике штормовке, но возвращаться в душный город не стал. Пусть здесь и прохладно, зато дышится на удивление легко. Измученный абстинентным синдромом организм жадно впитывал заполонившую пространство магическую энергию, и я вновь почувствовал себя бодрым и полным сил.

Ох, как мне всего этого не хватало! Это просто праздник какой-то!

Впрочем, эйфория долго не продлилась. Ветер, гнавший по лужам рябь, усилился, и в одной лишь промокшей от дождя футболке стало как-то совсем уж неудобно. Нет, самочувствие не беспокоило, просто того и гляди простыну и насморк подхвачу.

Двигаясь по аллее, я обогнул безлюдный стадион и стал забирать правее, рассчитывая вскоре выйти к границе свертка, но порожденное магией пространство все тянулось и тянулось, не желая выпускать из своих промозглых объятий.

Иду, иду, иду, а кругом лес, лес и лес.

Да что за напасть?

Но тут деревья наконец расступились, и меж кустов замаячила дорога, по неровному асфальту которой шуршал мелкий противный дождик.

Все еще сверток!

Начиная испытывать нешуточное беспокойство, я перебежал через проезжую часть и по узенькой, заросшей травой тропинке углубился в густые заросли. Углубился – и вскоре начало казаться, будто во всем мире остались лишь тихий шелест дождя по листве, мое неровное дыхание да шлепанье подошв, и настроение испортилось окончательно.

Иду, иду – а ничего. Ничегошеньки...

Выругавшись, я перешел на бег и какое-то время спустя выскочил из кустов на берег реки. Огляделся – кругом деревья и туман, – и поспешил к пешеходному мостику, натянутому над водой чуть выше по течению небольшого заросшего деревьями островка.

По раскачивавшимся из стороны в сторону доскам я перескочил реку и, ежась от холодного ветра, затрусил по пустырю. Сбившееся дыхание понемногу пришло в норму, а когда впереди показался глубокий котлован с темными лужами на дне, отступило и беспокойство.

Теперь понятно, где я. Или точнее сказать – когда?

Очень интересно.

Я огляделся и скорее угадал, нежели увидел в густой стене тумана силуэты многоэтажных домов. Направился туда в обход котлована и вскоре понял, что никакой это не туман, а муть сливавшегося с реальностью магического пространства.

С ходу вломился в нее – и граница свертка выгнулась, а потом прорвалась и выплюнула меня из осени напрямик в лето. Я врезался в железное ограждение сквера, разбитого на месте того самого пустыря, затряс отбитой рукой и с облегчением выругался.

Выбрался, мать вашу! Выбрался!

Сразу накатила расслабленность, и сил хватило лишь на то, чтобы дотрестись до ближайшей лавочки и повалиться на нее. Захваченные из свертка крупницы магической энергии под напором тепла стремительно истаявали, но сейчас это нисколько не волновало.

Было хорошо. Солнышко светит, футболка подсыхает. Голову, правда, опять ломить начало, но тут уж ничего не попишешь. Нет в жизни совершенства.

Переведя дух и согревшись, я нехотя поднялся на ноги и зашагал по пешеходной дорожке мимо элитной высотки, нарядной заплаткой выбивавшейся из общей серости панельных многоэтажек.

Зависшее над головой солнце вскоре обсушило и согрело, но зато и слепило глаза так, что просто караул. С темными же очками приключилась история наподобие сказки про Кощея Бессмертного: сами они в футляре, футляр в рюкзаке, рюкзак во внедорожнике, а внедорожник непонятно где, потому как Виталий мог уже забрать его со стоянки, а мог еще дотуда по причине бодуна и не добраться.

Ладно, переживу как-нибудь...

Минут через пять я свернул на упиравшуюся в речку улицу Гвардейцев, а после перекрестка с Пилотов вновь решил приобщиться к благам цивилизации в виде общественного транспорта. Вот только внутри все будто зудело, и стоять в ожидании троллейбуса или маршрутки было просто невмоготу, поэтому после недолгих колебаний я на это дело плюнул и отправился в горку пешком. А когда прошел общаги и миновал пару воткнутых у дороги торговых центров, футболка вновь промокла, только теперь уже от пота.

Духота, дышать нечем, кругом раскаленный асфальт. Как здесь добрым словом не вспомнить расположенный в сибирской тайге учебный центр?

Да – медвежий угол, да – у черта на куличках, но какой там воздух! Чистый санаторий!

Тут сзади к остановке подъехал старенький троллейбус, я оживился и поспешил к с лязгом распахнувшимся дверям. Но только добежал до газетного киоска, как со спины вдруг повеяло слишком уж прохладным по летнему времени ветерком.

Что, опять?!

Я вернулся к сетчатой ограде педагогического колледжа и уставился – нет, вовсе не на молоденьких будущих учительниц, – а на проглядывавший из-за деревьев силуэт многоэтажного жилого дома. Странный такой полупрозрачный силуэт.

Здравый смысл советовал убираться отсюда к чертям собачьим, но любопытство вкупе с похмельной мастью подтолкнули прямиком в гостеприимно распахнутые ворота. Обогнув здание колледжа, я послонялся на его задворках, после раздвинул ветви колючих кустов и подобрался к забору. Там – калитка. Но стоило ухватиться за нее, и пальцы обжег неестественно холодный металл.

Отступив на шаг назад, я пинком освободил себе дорогу, решительно вышел за ограду, и кожу сразу закололи стылые иглы магической энергии. Ага, снова сверток...

Жилые дома сгнули, лишь вдалеке маячил смазанный силуэт роддома, да темнели коробки непонятных цехов с другой стороны. А еще здесь был карьер.

Когда-то из него брали глину для производства кирпича, а теперь водоем оккупировала жившая по соседству детвора.

Стоп! Когда-то?! Теперь?!

Бред!

Нет этого ничего! Давно уже нет!

На месте кирпичного завода устроили рынок, карьер засыпали, пустырь застроили. Люди ходят, машины ездят. А тут – ерунда какая-то.

Странное место. Даже по меркам уже обнаруженных аномалий – странное.

И энергетический фон заметно выше, чем где-либо раньше, и перспектива словно вогнутая. А еще очень четко просматривалась грань между свертком и обычным миром. Такое впечатление – внутрь надутого шарика угодил.

Впрочем, наверное, так даже лучше – по крайней мере, не заблужусь.

Решив немного здесь осмотреться, я подошел к карьору, спустился по крутому склону к воде и разулся. Подтянув штаны, зашел в воду – теплая. И как-то сама собой возникла мысль освежиться.

Раздевшись, я голышом заскочил в карьер, нырнул с головой, отфыркался и выбрался на мелководье. Какое-то время побарахтался там в свое удовольствие и вылез на берег обсыхать.

Да уж, сверток свертку рознь. Это тебе не под осенним дождем мокнуть.

Натянув джинсы и обувшись, я накинул сложенную футболку на шею, взобрался на откос и оказался неприятно удивлен тем, сколь сильно за прошедшее время наверху похолодало. И ладно бы просто похолодало, так нет – из калитки вовсю хлестало магической энергией. Призрачные гарпуны немедленно вонзились в тело и потянули назад. Из носа закапала кровь, в глазах посерело, и пришлось присесть, чтобы не скатиться обратно к воде.

– Мать вашу! – Я выхватил из кармана фонарик и защищавшей стекло ударной кромкой прочертил вокруг себя охранный круг. Давление магии пошло на убыль, а когда добавил несколько охранных символов, гул ветра в ушах окончательно стих и понемногу начала затухать тугими толчками бившаяся в голове боль.

Но энергетический шквал и не думал униматься. В свертке стремительно холодало, небо на глазах затягивали седые облака, кусты и траву посеребрил иней, а вода в карьере подернулась коркой льда. И что хуже всего – татуировки на правом предплечье запылали черным пламенем, прожигая руку до самой кости.

Чтоб вас! Чтоб вас всех!

А потом в довершение всех напастей в траве зашевелились тени. Обвив защитный круг, потусторонние твари попытались пробраться внутрь, и замеченная снегом охранный черта начала мало-помалу поддаваться. Я кинулся ее обновлять и сам не заметил, как подставился под удар. Просто – раз! – и бок тысячами швейных игл пронзили призрачные клыки.

Вскрикнув от боли, я попытался отодрать от себя лишнее материальной оболочки палец, но пальцы впустую прошли через тень. А та – невесомая и одновременно неподъемная – навалилась сверху и окутала своим холодом, пытаясь заморозить кровь в жилах.

В глазах потемнело, дыхание с хрипом вырвалось из груди и осыпалось тончайшими кристалликами изморози. Ничего толком не соображая, я со всего маху полоснул тварь темно-синим клинком и лишь после того как руку пронзила острая боль, осознал, что ладонь пуста.

Какой нож?! Откуда?!

Я взвыл и ударил вновь – на этот раз предплечьем, окутанным черным пламенем вгрызшихся в посеребренную кожу татуировок и шрамов.

Ударил раз... второй... третий...

И тогда нематериальная вроде бы тень взвыла столь пронзительно, что зазвенело в ушах. Протвоестественное пламя в один миг перекинулось на нее; тварь резко отстранилась и серой змеей скользнула в обледенелую траву. Я кое-как заполз обратно в защитный круг и скорчился на запорошенной снегом земле. Осторожно прикоснулся к пятну почерневшей кожи на боку и не почувствовал абсолютно ничего, будто новокаином кольнули. Лишь на пальцах остались алые отметины.

Гадство!

Схватив оброненную футболку, я прижал ее к начавшей кровоточить ране, поднялся на ноги и заковылял к выходу из свертка. Магический шторм стих, но особо легче от этого не стало: тело словно налилось свинцом, а колени подгибались. В голове – звон.

И все же дошел. Не обратив внимания на холод обледеневшего железа, я рванул калитку и, не удержавшись, повалился в расплывшееся за ней серое ничто. Со всего маху врезался в колючие кусты и распластался на траве.

Выбрался!

Кругом ни карата магической энергии – это же просто праздник какой-то!

Вот только рана никуда не делась, и прижатая к боку футболка продолжала пропитываться кровью.

Закусив от боли губу, я достал мобильник и позвонил Виталию. Длинные гудки.

Возьми трубку, засранец!

Выругавшись, поднялся с земли, и меня немедленно повело в сторону. Пришлось ухватиться за ограду и обессиленно повиснуть на ней.

Что ж такое-то?

Отцепился, сделал шаг, другой... и бездумно шаркая подошвами по асфальту, вышел на улицу. Со всех сторон – удивленные взгляды. Кто-то равнодушно раздраженно отвернулся, кто-то добрый прошипел: «Уже нажрался, скотина».

Ну и хрен с ними; шагаю дальше.

Идти под горку оказалось легко, меня просто несло вперед, и требовалось лишь вовремя переставлять ноги. А в телефоне вновь длинные гудки. Виталий, зараза...

Цепляясь за поручни, мне кое-как удалось подняться на крыльцо торгового комплекса. А только ввалился внутрь – и по обнаженной коже прошлась струя морозного воздуха из кондиционера.

Ух, будто обратно в свертке очутился! Так и передернуло всего. Но зато хоть немного мозги прочистились, и я догадался позвонить куратору.

Владимир Николаевич отозвался сразу.

– Чего опять? – удивился он.

– Заберите меня, – прохрипел я в трубку. – Быстро!

– Откуда?

– Торговый комплекс «Фестиваль».

– Это на Гвардейцев?

– Да.

– Пять минут.

– Быстрее! – Я обернулся к по пятам следовавшему за мной контролеру и оскалился: – Чего пялишься?

Парень в черной униформе молча отошел к другому краю стеллажа, но уходить не стал.

Да и неважно. Я взял пару бутылок газировки с сине-красными, еще советских времен этикетками пепси-колы, схватил две плитки шоколада и поспешил на кассу. Дождаться сдачи было не вмоготу, поэтому просто кинул перепуганной продавщице пару мятых сторублевок и отправился на улицу.

Сдачу всучил не поленившийся нагнать контролер. Странные они тут...

Едва не теряя сознание от пульсировавшей в боку боли, я прошел заасфальтированную парковку и осторожно уселся на бордюр газона. Локтем прижимая к ране пропитанную кровью футболку, отломил от шоколадной плитки три дольки, сунул их в рот и, тщательно пережевывая, запил газировкой.

Сразу стало как-то легче. Обморок отступил, сквозь звон в ушах начал доноситься гул проносящихся мимо автомобилей.

А там и Виталий прикатил. Я только-только смолотил вторую шоколадку, когда он припарковал рядышком институтский внедорожник, открыл водительскую дверцу и с непонятным сарказмом поинтересовался:

– Опять нажрался, что ли? Вчера не хватило?

– Рот закрой, – не шибко вежливо попросил я и протянул руку. – Чего вылупился? Встать помоги...

Виталий только тут обратил внимание на окровавленную футболку и выскочил из машины. Поднатужившись, он доволоч меня до внедорожника, усадил на заднее сиденье и метнулся за руль. Начал резко сдавать назад и обеспокоенно спросил:

– В «Скорую помощь» везти?

– В институт. И можешь не гнать, просто дозу излучения хватанул.

– И не собирался, – хмыкнул Виталий, под визг покрышек разворачиваясь через две сплошные.

– Трубку брать ты тоже не собирался? – дал я выход своему раздражению.

– Занят был.

– В следующий раз лучше бы тебе свободным оказаться.

– Посмотрим, – буркнул парень и достал мобильник. – Готовьте медкабинет, у нас пациент с передозировкой магического излучения, – предупредил он кого-то и кинул телефон в подстаканник.

А я прикрыл глаза и стиснул зубы; выяснять отношения не было ни сил, ни желания. Внедорожник шел плавно-плавно, но внутренности словно превратились в студень, и малейшие толчки сотрясали все тело от пяток и до макушки. Еще и укачивало.

И все же когда из автомобиля меня начали выгружать на носилки, я возмутился:

– Сам дойду!

Не тут-то было!

– Тащите его, – не стал ничего слушать Шептало, и дюжие охранники едва ли не бегом поволокли носилки к боковому входу НИИ.

В медкабинете меня ловко переложили на койку и первым делом поставили капельницу с абсорбентом «МПЭ-44». Препарат этот создали специально для нейтрализации и выведения из организма всякой магической дряни, и, стоило ему разойтись по кровеносной системе, боль в боку сразу пошла на убыль, а татуировки и шрамы на правом предплечье посерели и перестали жечь кожу раскаленными нитями вживленного в тело электронагревателя.

Ух, полегчало! Всего аж пѳотом прошибло...

Я попытался поднять голову, но обрабатывавшая рану медсестра раздраженно шикнула, чтобы лежал спокойно и не шевелился. Провозившись минут десять, строгая тетенька поменяла опустевшую банку с физраствором на новую, отрегулировала колесико капельницы и вышла из палаты. А вот сменивший ее бородатый дядька, напротив, оказался весел и словоохотлив, и, беря кровь на анализ, ни на мгновение не закрывал рта. Балагур хренов...

К счастью, экспресс-анализ показал, что остаточный уровень магии в норме, и врач перестал изводить меня еще более бородатыми, чем он сам, анекдотами. Но стоило только расслабиться и вытереть со лба липкий холодный пот, как в палату заявились Шептало и Зимина.

– Все в порядке? – встревоженно спросила Алена.

– Жить буду, – через силу улыбнулся я и пошутил: – Наверное.

Владимир Николаевич заверил меня:

– Будешь. – И потребовал: – Рассказывай.

Ну, я и рассказал, ничего особо не утаивая. Да чего там «не утаивая» – все как на духу рассказал. Скрывать нечего было.

Алена несколько раз останавливала меня, делая на карте города какие-то пометки, и после каждой такой заминки мрачнела все больше и больше.

– Вот эти два свертка понятны, – произнесла она некоторое время спустя, передавая карту куратору, – а последний, как его назвал Александр Сергеевич, «пузырь» – аномалия даже в ряду уже известных нам аномалий...

– После, – отмахнулся Шептало, хрустнул костяшками пальцев и мрачно устался на меня: – Лед, ты какого льда туда без прикрытия сунулся?!

– И чем бы мне ваше прикрытие помогло?

– Не пришлось бы на газончике на виду у прохожих кровью истекать!

– Это да, – вздохнул я, мысленно матеря растрепавшего об этом Виталия.

– Александр Сергеевич, а что это было за существо? – поинтересовалась Алена. – То, которое на вас напало?

– Согласно официальной точке зрения, – ухмыльнулся я, – это была псевдоразумная энергетическая аномалия. А вот откуда она там взялась... Черт!

– Что такое? – сразу насторожился Владимир Николаевич.

– Какого хрена?! – До меня вдруг дошло, что именно спровоцировало магическую бурю. – Вы запустили установку не по графику!

– С чего ты взял? – удивился куратор.

– Магическая энергия может столь интенсивно расходиться по сверткам, лишь когда открыт переход в Приграничье!

– Ну и?

– Я перед этим клятым «пузырем» специально время посмотрел! У меня в запасе сорок минут было!

– Установка сегодня работала в штатном режиме строго по утвержденному графику! – отрезал Владимир Николаевич. – А вот ты вчера...

– Блин... – пробормотал я, достал «командирские» часы и, сверившись с мобильным телефоном, вздохнул: – Отстают на два дня...

– Что? – удивилась Алена.

– Ничего, – отмахнулся я, подводя стрелки. – Похоже, сорок минут в первом свертке потерялись.

– Впредь сверяйся с телефоном, – потребовал Шептало.

– Обязательно.

Ну елки-палки!

Это ж надо так подставиться было?! А все похмелье виновато. Синдром рассеянного внимания и тому подобное. Пора завязывать с алкоголем.

Пить надо меньше, меньше надо пить.

– С врачами разбирайся сам, если отпустят – катись домой, – поднялся на ноги Владимир Николаевич. – Никакой пользы от тебя, одни убытки.

– На самом деле полученные данные позволяют выявить зоны локальной концентрации... – начала было Алена Евгеньевна, но куратор моментально ее оборвал.

– Проверь на два раза, чтоб ошибок не было, – раздраженно потребовал Шептало. – Завтра до селектора мне нужна полная выкладка со всеми расчетами.

– Без внутренних замеров – это нереально.

– Подготовь, что сможешь.

Девушка молча собрала свои бумаги и вышла из палаты.

Я откинул простыню, приподнял край повязки и обнаружил, что от почерневшей, сочившейся кровью раны не осталось и следа. Так, пятно посеревшей кожи – и все. Однако! В Приграничье так легко бы не отделался. А здесь мало того, что магической энергии нет, так еще и абсорбент ее остатки из организма со страшной силой выводит.

– Вот тебе карта. – Владимир Николаевич вынул из папки сложенный вчетверо лист формата А3 и кинул его на тумбочку. – С утра получишь энергетический сканер и пойдешь по маршруту. В первую очередь нас интересуют районы два и три. Их ты, кровь из носу, должен проверить завтра. После займешься первым и четвертым участками. Остальное не срочно, но не затягивай. – Шептало подошел к двери и напомнил: – В бухгалтерии твоего отчета о подотчетных деньгах ждут.

– Хорошо, – вздохнул я и, наблюдая, как стремительно опускается по прозрачной трубке уровень жидкости, уточнил: – Виталий отвезет, если врачи разрешат?

– Отвезет.

– Зовите тогда эскулапов уже...

Но вырваться из цепких лап медперсонала оказалось вовсе не просто – отпускать меня отказались категорически. Пришлось дожидаться, пока обработают все царапины, измерят давление и вколют штук десять разных инъекций. После мне пришлось выпить полпригоршни разнокалиберных таблеток и повторно сдать на анализ кровь.

Вообще, под конец сложилось впечатление, что никто толком не понимал, зачем требуется та или иная процедура, но приказ есть приказ, и потому меня пользовали по полной программе. А вот когда все необходимые формальности оказались соблюдены, ненужного более пациента просто вытолкали за дверь.

– Вам передали. – Охранник на выходе из спецблока протянул пакет и предупредил: – Машина сейчас подъедет. И это, Прокофьев просил зайти.

– Зайду, – не моргнув глазом, соврал я и прямо на голое тело натянул обнаруженную в пакете штормовку.

Оглядел с крыльца заставленный машинами двор, не обнаружил среди них разъездного внедорожника и вышел за проходную. Виталия не оказалось и там, лишь переминался с ноги на ногу какой-то вихрастый молодой человек в деловом костюме. На меня парень посмотрел как-то очень уж пристально, но одним взглядом дело и ограничилось; подходить он не стал.

Ко мне – не стал. А к подъехавшему минут через пять институтскому внедорожнику подбежал чуть ли не вприпрыжку. И вот уже потом, перекинувшись парой слов с Виталием...

Я вытащил руки из карманов, готовясь к возможным неприятностям, но остановившийся в паре шагов паренек предпочел ограничиться словами.

– Слышь, лысый, – с ходу заявил он, – держись от Кристины подальше! Понял? Еще раз к ней полезешь, тебя уроют. Просто уроют! Понял?

– Понял, – озадаченно кивнул я, – не тупой вроде.

– Я тебя предупредил. Не оставишь ее в покое, пожалеешь. – Парень сплюнул под ноги, забрался в припаркованный на обочине «RAV4» и укатил.

А я озадаченно почесал затылок. Как только на меня не наезжали, но чтоб так...

Ничего не понимаю. Обычно когда пытаешься кого-то от своей девушки отвадить, то волей-неволей вынужден свое «я» выпячивать.

«Я тебя урою». Правильно – «я тебя урою». А как заявил этот клоун, так не говорят даже воспитанные молодые люди с научной степенью. Только не тогда, когда дело касается любимой девушки.

И вместе с тем нечто в поведении мажора не позволяло отнести к его словам как к пустому трепу. Чувствовалась в нем непонятная уверенность.

Брат боксер или папа милицейский начальник?

– Это кто был? – подошел я к курившему у внедорожника Виталию.

– Роман Дьячков. Работал у нас раньше.

– Парень Кристины?

– Именно.

– И ты ему вот так запросто меня сдал?

– Думаешь, тебя с кем-то перепутать можно?

– Ну да, ну да, – покивал я и забрался в машину. – Поехали давай.

Виталий выкинул окурок, завел двигатель и погнал автомобиль по пустым дворам. Дальше он по своему обыкновению развернулся через две сплошные и пристроился аккурат в хвост длиннющей вереницы машин.

– Это что еще такое? – удивился я. – Рабочий день давно закончился, откуда пробка?

– Не знаю, – буркнул парень и включил радио.

За время зеленого сигнала светофора через перекресток успевало проехать лишь два или три автомобиля, да и дальше лучше не стало. Какое-то время мы тащились со скоростью беременной черепахи, а потом впереди замелькали отблески мигалок.

Скорая, полиция, автоинспекция, непонятные машины с проблесковыми маячками, но без каких-либо опознавательных знаков.

– Авария, что ли? – спросил я.

Виталий промолчал. Непонятно.

Полицейские полностью блокировали все полосы встречного движения переносными ограждениями, и регулировщики не шибко понятными большинству водителей жестами направляли оттуда транспорт на нашу сторону дороги. А попробуй разъехаться, когда восемь рядов в четыре сливаются!

Просто караул!

Но тут мы наконец миновали узкое место, Виталий втопил педаль газа в пол, и внедорожник понесся по улице, обгоняя редких попутчиков.

Все, прорвались.

Служебная квартира оказалась полуторкой на втором этаже самого обычного панельного жилого дома. Комната, коридор, туалет, ванная, кухня. Все окна выходили на одну сторону, и вынырнувшее из-за девятиэтажки напротив солнце всю прожаривало мое новое обиталище.

Жарко, душно и не слишком уютно.

За окнами – соседний двор. Гаражи, детская площадка, бетонная проплешина хоккейной коробки. Дальше виднелись столь же невзрачные многоэтажки с редкими наростами кондиционеров и спутниковых тарелок.

Ну да мне не жить тут, а перекантоваться какое-то время – сойдет.

– Оружие привезли? – разуваясь, спросил я у Виталия и поставил на пол забранный из внедорожника рюкзак.

– Держи. – Водитель протянул ключи от сейфа и забытую в машине бутылку пепси-колы. – Все, до завтра.

– Ты погоди уходить-то!

– Чего еще?

– Сначала сейф проверю.

– А без меня проверить не можешь?

– Нет.

Я кинул штормовку к остальной сваленной на диван одежде и распахнул окно. Поначалу стало даже жарче, а потом меня вдруг коснулось легкое дуновение прохладного ветерка. На миг почудилось, будто на улице зима, каток залит и по льду скрипят коньки, но наваждение тотчас схлынуло, оставив после себя лишь легкий озноб.

– Лед, ты уснул? – крикнул из коридора Виталий.

– Нет. – Я озадаченно мотнул головой – похоже, не всю магию из организма вывели – и ушел на кухню.

– Проверяй оружие! У меня рабочий день закончился давно!

– Он у тебя ненормированный.

Я распахнул дверцу холодильника, изучил его пустое нутро и заглянул в морозильник. Там обнаружился полный лоток льда, а еще невесть кем и для кого порезанный на дольки лимон. Найденная в буфете початая бутылка коньяка тоже оказалась как нельзя более кстати – я на палец плеснул в стакан с толстым дном янтарного цвета жидкости и засыпал ее ледяными кубиками. Кинул сверху дольку замороженного лимона, влил газировки и спросил Виталия:

– Коктейль будешь?

– Завтра на работу с утра!

– Вчера тебя это не остановило.

– Вчера было вчера.

– Как знаешь.

Лед в коктейле начал подтаивать, я сделал длинный глоток и поставил стакан на сейф. Отпер замки, вытащил Benelli M3 и, повертев дробовик в руках, хотел уже убрать его обратно, но ружьем неожиданно заинтересовался Виталий.

– Фонарик понятно, – хмыкнул он, – но зачем тебе на дробовике коллиматорный прицел и лазерный целеуказатель?

– Ствол короткий, пулевой. На нем прицельные приспособления винтовочные и по тарелочкам стрелять неудобно, – пояснил я, слегка покривив душой.

Стал бы только из-за тарелочек так мучиться? Да нет, конечно. А с установкой прицела и в самом деле повозился: рельсами пикатинни и прочими изысками эта модель оказалась обделена, в итоге пришлось воткнуть между прикладом и ствольной коробкой крепление, разработанное для Benelli M1.

– А ЛЦУ?

– Чтоб стрелять не целясь.

– Понты, короче, – фыркнул парень.

– Скорее, игрушки.

– А чего тогда Бенелли M4 не взял? Еще круче, так-то.

– Ты меня ни с кем не путаешь? Я госслужащий вообще-то, а M4 в полтора раза дороже.

– Мало ли...

– Не мало, а лишних сорок тысяч вынь, да положи. «Сайгу-МК» вон на разницу купил, и еще деньги остались. – Я убрал дробовик к охотничьему карабину в забитый коробками с патронами сейф и спросил: – Точно выпить не хочешь?

– Нет, – отказался Виталий. – Все, давай.

– Давай. – Выпустив водителя, я запер за ним дверь и в несколько глотков влил в себя остатки коктейля.

Не из желания захмелеть, просто жарко, да и пить хотелось.

Вновь плеснул в стакан коньяку, долил газировки и, задумчиво бренча ледяными кубиками, уселся на диван. Включил телевизор и начал бездумно жать кнопки, прыгая с канала на канал.

Ерунда. Ерунда. Ерунда. Снова ерунда. И опять ерунда.

Столько программ, а смотреть совершенно нечего! Хоть ноутбук из рюкзака доставай.

О, местные новости!

«...ется гроза, шквалистый ветер, град. В ближайшие два дня повышается вероятность возникновения аварий на объектах жизнеобеспечения и повреждения слабоукрепленных конструкций и деревьев».

Только этого не хватало! Мне ж целый день по городу мотаться! Хотя с другой стороны, погода в свертках от окружающей среды никак не зависит. Не страшно, короче.

– «Вооруженное ограбление совершено сегодня в самом центре Ямгорода. В районе дома сорок три по улице Карла Маркса четверо неизвестных, переодетых в полицейскую форму, обстреляли из автоматического оружия инкассаторов коммерческого банка «Зимний» и, похитив сумки с деньгами, скрылись во дворе соседнего дома. Несмотря на оперативное прибытие наряда полиции и объявленный план «Перехват», задержать злоумышленников по горячим следам не удалось. Раненые перевозчики денег помещены в реанимацию, и врачи борются за их жизнь. Стоимость похищенного не разглашается».

Ага, теперь понятно, почему мы одну остановку сорок минут ехали! Ну что грабители за уроды – не могли где-нибудь в другом месте банк ломануть?

– «На минувшей неделе в Ямгороде вновь фиксировались сейсмические толчки неизвестного происхождения. Мэрия и областные власти обвинили в происходящем Министерство обороны, реализующее программу уничтожения устаревших боеприпасов. В ответ военные заявили о том, что ни воздушная, ни подземная взрывная волна никак не могла дойти с полигона до города...»

Допив коктейль, я выключил телевизор, развернул выданную куратором карту и поморщился, увидев, что ограбление произошло в районе, помеченном цифрой «1». Не везет так не везет, теперь там точно не протолкнуться от полицейских будет.

Порывшись в ящиках стоявшего в углу стола, я нашел огрызок карандаша и отметил обнаруженные вчера и сегодня свертки. Потом по памяти заштриховал области с энергетическими аномалиями и уставился на карту, не в силах обнаружить какой-либо закономерности.

Почему же тогда руководство института именно этими районами интересуется, а не другими? Вопрос.

Бросив ломать голову над неразрешимой из-за нехватки информации загадкой, я задернул шторы и отправился на кухню. Какое-то время медитировал, созерцая пустой холодильник, затем вернулся в комнату и принялся развешивать по шкафам одежду. После немного помаялся, не зная, чем себя занять, так ничего и не придумал и завалился спать.

День непростой выдался, отдохнуть лишним не будет.

Только вот толком выспаться не получилось. Ближе к полуночи резко очнулся и сразу понял, что больше не усну. Почему – непонятно, просто не усну, и все.

Очень уж на душе маетно. Стоит лишь зажмуриться – и комнату немедленно заполняет тьма, а по углам начинают клубиться непроглядно-черные тени, не имеющие ничего общего с ночным мраком.

Бесформенные пятна темноты и злобы медленно стягиваются в кольцо и...

...и тут я всякий раз открывал глаза.

Страшно. Караул просто как страшно.

Я поднялся с дивана, проверил входную дверь, ушел на кухню. Задумчиво поглядел на бутылку с коньяком, но пить не стал и вместо этого отпер сейф. Близость оружия немного успокоила, но лишь – немного.

Глупо рассчитывать, что картечь остановит сотканых из сновидений и ночных кошмаров чудовищ.

Из сновидений? А из сновидений ли?

Когда начинаются подобные непонятности, попробуй разберись с ходу, пустой страх на тебя накатывает или это лишь отголосок реальной угрозы.

И значит, дробовик из сейфа лучше достать. Потому как будь ты хоть обычный человек, хоть исчадие Стужи – снаряженный серебром патрон двенадцатого калибра спуска не даст. А у меня таких пятьдесят штук припасено: половина по гнездам тактического подсумка распихано, остальные в коробке своего часа дожидаются.

Дорого, конечно, но мне их не в тире жечь; лежат и лежат, есть-пить не просят. Инвестиции в будущее практически.

Переложив ружье на диван, я подошел к окну, прислушался к гомону веселившейся во дворе соседнего дома молодежи и немного успокоился.

Какая магия, какие тени? Это всего лишь нервы. Просто нервы да постпoxмельная маета.

И, прогнав пустые страхи, я уселся на диван, потер зудевшее предплечье...

Предплечье?!

Вскочив на ноги, я включил верхний свет и увидел, что татуировки и шрамы вновь почернели. Вот ведь! Схватил мобильник, открыл сообщение с графиком работы портала и понял, что корежило меня неспроста: минут пять назад открылся портал в Приграничье.

Но откуда такая чувствительность? Почему до меня вообще колебания магических полей докатились? Или...

...или где-то поблизости расположен очередной сверток?

И тут спать расхотелось окончательно!

Я вскочил с дивана и заходил из угла в угол.

Что делать? Что мне теперь делать?

Плюнуть на все и лечь спать? Так не усну. Да и чревато оно. Если те самые псевдоразумные энергетические аномалии меня учуют, запросто могут попробовать из свертка дотянуться.

Получается, надо собирать вещички и съезжать от греха подальше?

Как вариант – вполне. Только ночь на дворе, да и какой смысл убегать, если завтра так и так в сверток лезть? Не проще ли... слегка прибраться здесь, что ли, и спокойно жить дальше? Заодно и местную аномалию на карту нанесу.

Прикидывая, как ловчей всего с помощью подручных средств организовать зачистку прилегающей территории, я подошел к входной двери и посмотрел в глазок. Никого и ничего. Осторожно ступил на лестничную клетку – аналогично. А между тем ощущение некоей неправильности так в спину и подталкивало.

Иди и проверь! Иди...

Противиться инстинктам я не стал. Запер дверь и, как был в трусах и тапочках, сбежал на первый этаж. Замер у почтовых ящиков, прислушиваясь к собственным ощущениям, но не уловил ровным счетом ничего подозрительного. А между тем беспричинная – а беспричинная ли? – тревога продолжала нарастать.

Я настороженно спустился к входной двери, и сразу по голым ногам потянуло неприятной стыlostью. И потянуло не с улицы, потянуло из подвала.

Очень интересно, просто очень...

Я попятился назад, а потом развернулся и в один миг взлетел на второй этаж. Заскочил в квартиру, задвинул засов и, скинув тапки, начал торопливо одеваться. Штаны из плотной

джинсовой ткани, футболка, штормовка. Вместо кед вытащил из обувной коробки прочные эковские ботинки на толстой подошве. Зашнуровал, прошелся по комнате – порядок.

Тактический «раскладывающийся» подсумок прицепил на ремень, ремень сумки с запасным боекомплектom перекинул через плечо. Складной нож сунул в один карман, запасной литиевый аккумулятор для подствольного фонаря в другой.

После взял дробовик, работая цевьем, опустошил его подствольный магазин и вместо обычной картечи принялся вставлять патроны с серебром.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь.

Сунув восьмой патрон в ствол, я сдвинул цевье вперед и перевел ружье в полуавтоматический режим. Подумал-подумал и рассовал по карманам штормовки пару пластиковых бутылочек со святой водой.

Обработать подвал в превентивных целях вовсе не лишним будет. Не каждую же ночь в нем зачистки устраивать.

Настроив громкость активных наушников так, чтобы не отвлекал звук собственных шагов, я завернул дробовик в скатерть и вышел на лестничную клетку. Никого не повстречав в подъезде, спустился на первый этаж и толкнул дверь в подвал.

Вот так просто – взял и толкнул. И как ни странно, она легко распахнулась, будто и не было ржавого навесного замка, лишь руку потусторонним холодом заморозило.

Размотав ружье, я снял его с предохранителя и включил ЛЦУ. Осторожно ступил на уходящую вниз лестницу и утопил прорезиненную кнопку подствольного фонаря.

Пронзительный луч яркостью в шестьсот люменов вмиг разорвал непроницаемый вроде бы мрак и осветил пыльные пучки проводов, ржавые трубы и влажные неоштукатуренные стены.

Ничего необычного, ничего странного. Подвал как подвал.

Вот только откуда-то издали доносился тоненький плач, железное звяканье и шарканье тяжелых шагов. Пахло сыростью и застарелой болью.

Спустившись вниз, я медленно двинулся по коридору и неожиданно понял, что подвал давно уже живет своей жизнью и он вовсе не рад незваным гостям.

Не знаю откуда, просто понял – и все.

И потому, когда луч фонаря на миг завяз в сгустившемся мраке, я не колебался ни мгновения и сразу потянул спусковой крючок. Приклад толкнулся в плечо; дульная вспышка лизнула непослушную тень и разорвала ее в клочья.

И сразу со всех сторон – крики, стоны, смех...

Шаг в сторону, оборот и зеленая точка целеуказателя увязла в отлипшем от стены черном силуэте.

Выстрел! – призрак корчится объятый огнем фотопленкой и стремительно сгорает серебристым пламенем. Спиной в бойлерную – и заряд картечи сшибает с потолка непонятную тварь, затаившуюся среди труб. Гильза, подскакивая, еще катится по бетонному полу, а сзади уже доносится чей-то плач и холодит затылок мертвое дыхание.

Крутнулся на месте, пальнул в упор. Смазанная детская фигура исчезла в сполохе искр; я прижался спиной к ржавым прутьям одной из расставленных вдоль стен железных клеток и, пользуясь кратким миготом передышки, дозарядил дробовик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.